

НАТАЛЬЯ
АНДРЕЕВА

ЗВЕЗДА
В ХВОСТЕ ЛЬВА

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Звезда в хвосте Льва

«Автор»

2014

Звезда в хвосте Льва / «Автор», 2014

ISBN 978-5-17-086658-8

Самый ненасытный порок – это тщеславие. Сколько его ни корми, оно все равно остается голодным. Казалось бы, есть все: успех, деньги, слава, любовь... Иному и одного из этих благ на всю жизнь хватит, чтобы быть счастливым. Но только не Андрею Ромашову. Он надеется стать первой и самой яркой звездой в сердце одной упрямой и талантливой женщины. Унизить, растоптать, посадить в тюрьму! Только бы она покорила! Но женщины не любят предателей...

ISBN 978-5-17-086658-8

, 2014

© Автор, 2014

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Андреева

Звезда в хвосте Льва

Денебола – третья по яркости звезда в созвездии Льва. Название происходит от арабской фразы, которая переводится как «Хвост льва», а именно таково положение Денеболы в созвездии. В астрологии эта звезда считалась предвестником несчастья и позора.

Часть первая

Лето

«Его большие красивые глаза затуманило облако внезапной грусти...»

- Андрей!
- А? Что?
- Ты меня совсем не слушаешь!
- Прости, я задумался.

От этой привычки он все никак не мог избавиться. Хотел, но не мог. Думать о себе в третьем лице, словами шаблонных любовных романов. Фразы на ум приходили почему-то самые пошлые и банальные. А еще до тошноты цветистые, можно даже сказать, махрово-цветистые.

«Она смотрела на него, умоляюще и преданно, и прекрасное лицо ее было печально, словно луна, на которую набежала огромная туча...»

- Андрей!!! Что с тобой?!

Виной всему была его фамилия: Ромашов. Когда Лёве исполнилось четырнадцать, мама, преподавательница русского языка и литературы в маленькой сельской школе, сочла, что мальчик уже созрел для того, чтобы это оценить, и подсунула ему повесть Куприна «Поединок».

Фамилия главного героя тоже была Ромашов, поэтому повесть юный однофамилец проглотил за ночь, залпом, не отрываясь. Так же охотно и с интересом Ивановы читают про Ивановых, а Васильевы про Васильевых. Если герой хороший, то и собственная самооценка повышается, а если подлец, то книга дрянь.

Герой «Поединка», безусловно, был положительным, хоть и не очень симпатичным, с точки зрения внешности, удачливости и развязки сюжета. Его убили на дуэли, но благородство Ромашова книжного было налицо: он принес себя в жертву любимой женщине. Невольно Лёва Ромашов так же, как и его вымышленный однофамилец, стал думать о себе в третьем лице и постоянно представлял себя со стороны. Попытался понять: а что же думают о нем *другие*?

Именно поэтому Лева очень легко поступил в театральное училище. Ведь его самого, Лёвы Ромашова, по сути, и не было. Он весь был – мнение о нем других людей, которых он мысленно пытался сыграть. Сыграть их чувства к нему, их мысли о нем, их поступки по отношению к нему, если эти отношения будут продолжаться и дальше.

Он давно уже вырос, и теперь приближался к тому, что еще называют кризисом среднего возраста, стал самостоятельным и независимым, а потом богатым и знаменитым, его судьба ничем не напоминала печальную судьбу героя «Поединка». Да и не могла быть на нее похожа: красавчик Лёва Ромашов пользовался неизменным успехом у девочек, так же как потом он сделался идолом бесчисленных поклонниц. Но привычка думать о себе в третьем лице все равно осталась, и избавиться от нее Ромашов не мог.

Сказать лежащей рядом женщине, о чем он думает? Чтобы та подняла его на смех? Господи, какой Куприн! Какая к черту классика! Ей двадцать лет! В ушах у нее постоянно торчат

наушники, а мозги заменяет айфон! Где есть ответ на любой вопрос, начиная от «где купить самые тонкие прокладки» до «в чем смысл жизни». Вряд ли Настя даже вспомнит, кто такой Евгений Онегин. А Куприна в школьной программе вообще нет. Кстати, зря.

Ромашов покосился на Настю. Хотя, нет. Про Онегина должна знать. Она ведь актриса. Классика обязательна в репертуаре любого театра.

Актриса! Он чуть не расхохотался. Для того чтобы сниматься в сериальном «мысле», меньше всего нужны актерские способности. Ведь это давно уже не кино, а прокладка для бесконечной рекламы. Поэтому молоденькой актрисе нужен не талант, а имя. И не славное имя, а скандальное. Для этого надо кого-нибудь избить, напиться и устроить дебош в самолете, расколотить витрину в баре и увести из семьи олигарха. В крайнем случае, распространять о себе небылицы, чем нелепее, тем лучше.

Настя прекрасно все это понимала. Потому и начала с реалити-шоу, где с остервенением раздавала пощечины своим соперницам и закатывала истерики любовникам, а когда ее все-таки выгнали, «отобралась» на крохотную роль в мелодраматический сериал и стала искать, с кем бы ей переспать, чтобы об этом заговорили все?

Они познакомились на съемках. Его уломали на главную роль (опять мелодрама!), Настя же оказалась статисткой. Ее постоянно затирали более звездные актрисы, которые смотрели на провинциалку свысока и требовали себе отдельную гримерную. Но сама Настя считала, что это лишь первый маленький шаг к большой актерской карьере. Ромашов подозревал, что предприимчивая Настя, девушка без комплексов, получила доступ к телу продюсера, потому что главный актер в сериале в свою очередь получил от того совет. Ради пиара надо закрутить роман с одной из актрис. А о чем еще писать журналистам? Скоро сериал выходит на телеэкран, рекламный бюджет составлен и утвержден, осталось подбросить скандальный сюжет.

– Андрюха, ты ведь не женат...

– Это есть в моем контракте. Кому я нужен женатый? – усмехнулся он.

– Правильно! Тебя надо раскручивать только через постель!

– Хочешь сказать, что я больше ни на что не гожусь?

– Давай смотреть правде в глаза: актер ты хреновый. Зато мужик классный. Ты на этом и вылез. Я уж не буду тебе напоминать, как и кто тебя сделал...

– Хорошо, – устало сказал он. – У меня есть выбор, или ты все уже решил?

Продюсер замялся:

– Есть одна перспективная девочка. Она играет третью по списку подругу главной героини. Роль маленькая, но зато девочка – класс! Настоящая секс-бомба! Я хочу ее раскрутить.

– Как ее зовут?

– Стейси Стюарт.

– Как-как?!

– Вообще-то она Настя Васильева. Но Васильевых, сам знаешь, пруд пруди. И Настя...

Как-то все банально.

– Понятно, – кивнул он. – Кто это родил? Ты или она?

– Вообще-то она.

– Фамилия королевская. Да и имя... А не перебор?

– Тебе что, жалко? Ну, хочется девочке побыть Принцессой Стейси. Копнуть поглубже, так у нас в знаменитостях одни Попкины и Тапкины. Тебе хорошо. Ты хоть Ромашов. И даже Лев. Кстати, а почему ты сейчас Андрей?

В самом деле, почему?...

«Прекрасная незнакомка смотрела на него с неподдельным интересом»

– Значит, вы пришли на кастинг?

– Да, меня вызывали...

Она скользнула по нему безразличным взглядом и уставилась в окно. В коридоре, где они стояли, было холодно, здесь, в офисе кинокомпании «Денебола» курили так много, что форточка постоянно была распахнута. Стена, к которой Ромашов прислонился, потому что ноги его не держали, оказалась ледяной. Невольно дрожь передалась коленям, потом мелко-мелко задрожали икры ног. Желудок провалился куда-то в пах, и там невыносимо зануло. Захотелось в туалет.

Ромашов стоял, ни жив, ни мертв. Ему сказали, что в кинокомпании «Денебола» все решает главный редактор, она же любовница генерального продюсера.

– Понравишься ей – получишь роль. Не понравилась – можешь ставить крест на своей актерской карьере.

– Да почему?

– Рару знают все. У нее муж журналист. А любовник генеральный продюсер. Не считая еще десятка влиятельных мужиков, с которыми она переспала, или еще спит от случая к случаю.

– Ради карьеры, что ли?

– Нет, исключительно ради удовольствия. Карьера – это лишь побочный эффект ее любвеобильности. У тебя все шансы, Ромашов. Похоже, ты в ее вкусе. Дерзай!

«Зато она не в моем», – в отчаяние думал он, глядя на стоящую перед ним женщину. Он в толк не мог взять, как ей это удастся? Оставаться фавориткой генерального, когда в этом офисе концентрация красивых женщин на один квадратный метр площади просто немыслимая! Да уже на подходе становится не по себе. Вокруг одни красавицы! Умопомрачительные ноги, налитые груди размера не меньше третьего, шикарные гривы, белокурые или рыжие. Встречаются, конечно, и обжигающе-яркие брюнетки, даже азиатки с фарфоровыми кукольными личиками. Да выбирай любую! Время такое, что понятие «мораль» давно уже отнесено к атавизмам. Здесь, в офисе солидной кинокомпании оно так же нужно человеку, как хвост или аппендикс. Срочно удалить! Ради карьеры дозволено все! Денег и славы любой ценой!

А генеральный продюсер спит с этой... Даже и не знаешь, как ее назвать? Некрасивая? Невзрачная? Не-пойми-какая в общем. Маленького роста, грудь еле намечается, лицо блеклое, почти без бровей, черты очень мелкие, такое ощущение, что художник работал в четверть силы, едва притрагиваясь к листу карандашом. Какие-то линии вообще остались незавершенными. Это даже не картина, это эскиз. Четверть женщины, не больше. Ростом Рара была ему по плечо, поэтому Ромашов именно так и подумал.

И вдруг она улыбнулась. Его обдало жаром. Такой улыбки он еще не видел никогда. Нахальная? Нет. Вызывающая? Ничуть. Обещающая? Возможно, но тоже нет. Пленяющая и обещающая одновременно. А еще виноватая. Улыбка победительницы и вместе с тем побежденной. Впечатление было такое, словно бы Рара мысленно взяла веревку, сделала из нее лассо и накинула ему на шею. Осталось только затянуть петлю и повести добычу за собой. На заклятие. Он понял, что пойдет.

– Как вы говорите, вас зовут?

– Лев Ромашов.

– Как-как?

– Лев...

– Я поняла. Это плохо, – она слегка нахмурилась. На лбу образовалась горизонтальная складка. Он вдруг понял, что Раре за тридцать, а вовсе не двадцать пять, как он подумал, когда ее увидел. – Вы слышите? Лев... пауза... Ромашов. Словно обрыв. Между «В» и «Р» много пустого места. Так не должно быть. Имя должно произноситься легко, без пауз, тогда оно запоминается. Речь – это музыка. Вам, часом, не медведь на ухо наступил?

– Я окончил музыкальную школу по классу фортепиано.

– Ах, я не о том! Есть музыкальный слух, а есть литературный. Фраза должна звучать, как мелодия. Тогда люди ее повторяют раз за разом. Если мелодия удачная, красивая и приятная на слух, то она привязывается, и постоянно всплывает в памяти. Ваше имя люди с досадой забудут. Это как фальшивый аккорд... Или нет. Слишком мало нот. Лев – Ромашов. Если вы учились в музыкальной школе, вы меня поймете. Есть такой интервал: терция. – Он кивнул. – Есть кварта. Очень чисто звучит, как и само слово: кварта. Вслушайтесь... – она взяла его за руку. – Слышите ведь? – он кивнул. – А ваше имя напоминает мне музыкальный интервал, который называется секунда. Звучит он ужасно. Хотя, фамилия хорошая. Литературная. – Рара отпустила его руку. Он почувствовал, что падает с обрыва в глубокий, заросший крапивой овраг, откуда ему уже не выбраться никогда, и отчаянно спросил:

– Вы читали Куприна?

– Разумеется, молодой человек. Я ведь редактор. А мой муж журналист. Если мы и говорим часами о чем-нибудь, то это литература.

– Поэтому вы – Рара? Кстати, как это переводится на русский язык с вашего литературного?

Она впервые посмотрела на него с интересом:

– А вы милый. Да, вы правы. Я Раиса Райская. Райская, само собой, журналистский псевдоним. Настоящую фамилию называть не буду, она не слишком благозвучная. Скажу только, что я Раиса Гавриловна, – она тихонько рассмеялась. – С моим абсолютным литературным слухом это досадно. Мой муж Раевич, так что я могла бы стать Рарой вполне официально, если бы сначала вышла замуж, а потом стала делать карьеру. Но получилось наоборот, поэтому мы сочли, что я останусь Райской, а он Раевичем.

– У нас много общего. Любовницу Ромашова из повести Куприна тоже звали Раисой, – намекнул он.

– Надеюсь, я ничем не похожа на эту вульгарную безграмотную женщину? Держу пари, вы никогда не думали о псевдониме, потому что до сих пор были Лёвой. Лёва Ромашов звучит неплохо, но вы ведь собираетесь стать большим актером? – насмешливо спросила она. Цвет ее глаз неумовимо изменился, теперь он удивился их блеску и яркости. – Поэтому вам нужно настоящее мужское имя.

– И что вы предлагаете?

– Фамилию оставьте, а имя поменяйте.

– На что?

– Ну, я не знаю. Алексей или Андрей... – она на секунду задумалась. – Хотя, Андрей будет лучше. Вам необходимо второе «Р». А то какой-то вы мягкий, – она протянула руку и потрогала его за плечо. – Ну, я же говорила! Лёва Ромашов! Извините, мне надо бежать, у меня много дел.

– Мы еще увидимся? – с отчаянием спросил он.

– Не знаю...

– Пожалуйста, Рара! – попытался он ее обаять.

– Хорошо, – сказала она уже на бегу, – я посмотрю пробы...

Так он стал Андреем.

«Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается...»

– Аркадий!

– А? Что?

– Аркаша, что с тобой? Я не могу до тебя докричаться! О чем ты думаешь?

Он все никак не мог избавиться от этой привычки: оценивать любые неурядицы в своей жизни, даже досадные бытовые мелочи с точки зрения Уголовного кодекса. Похоже, в юности переизбавился.

Вот и сейчас, глядя на испорченную женой рубашку, он подумал: уголовная ответственность за невинное причинение вреда не допускается. Галя ведь не нарочно засунула две его дорогие белоснежные сорочки в стиральную машинку вместе со своей красной блузкой. Сама расстроилась, когда увидела результат.

– Я же не знала, что она китайская! Написано «мэйд ин Итали», – растерянно сказала жена. – Надо же! Полиняла!

Розовые сорочки осталось только выбросить. Аркадий Журавушкин прекрасно понимал, что любой нормальный мужик в такой ситуации ограничился бы одним только словом: «Б...!» Или другим, не менее выразительным, но тоже матерным. Выплеснуть злость, одним плевком, и успокоиться. Он же мгновенно принялся выстраивать для жены презумпцию невинности, размазывая свою злость, словно жидкую манную кашу по тарелке, чтобы успокоиться. Ну не бред? Что это? Профессионализм или подтверждение того факта, что главной в его жизни является работа? Что он уже больше робот, чем человек. Не особь мужского пола, именуемая Аркадий Журавушкин, а адвокат по уголовным делам Аркадий Валентинович Журавушкин. Когда они с женой последний раз занимались любовью? Именно это он сейчас и пытался припомнить. Пытался найти в себе и в ней хоть что-нибудь человеческое. Кроме желания есть и спать.

Она работала в Пенсионном фонде, он в адвокатской конторе, работа у обоих была довольно скучная, нудная, связанная с бесконечным перечитыванием и составлением нормативных документов и справок, говорить об этом было невыносимо скучно. Стоило Журавушкину начать рассказывать о деле, которым он занимается, жена демонстративно зажимала уши:

– Ой, только не надо! Мне своей рутины хватает!

Точно так же, едва Галина принималась за разъяснение новой сложной формулы, по которой теперь будет рассчитываться пенсия, как он тут же ее обрывал:

– Галя, мне до пенсии еще далеко! К тому же я на нее не рассчитываю.

Жена с обидой умолкала. Зато во всем остальном они были согласны: на что потратить премию, куда поехать отдохнуть, сколько денег в месяц выделить дочери, которая жила отдельно. Маша снимала квартиру пополам с подругой, тоже студенткой, мотивируя это тем, что не хочет тратить полтора часа на дорогу от дома до Университета. Но Журавушкин подзревал, что дочь просто не хочет стать такой же занудой, как и ее родители. Чья жизнь распланирована на много лет вперед. Впрочем, «уголовная ответственность за невинное...»

О, черт!!!

– Дай мне, наконец, пульт! – услышал он. – Иначе мой мозг разобьет паралич!

– А что случилось? – спросил он, протягивая жене пульт от телевизора.

– Я понимаю, что актерам необходимо пиариться, но надо же и меру знать! Я слышу это имя из каждого утюга: Стейси Стюарт! Мне уже в туалет страшно зайти. Кажется, нажми я на кнопку сливного бачка, вместо шума воды услышу «Стейси Стюарт»!

– Успокойся: закончатся деньги в рекламном бюджете, и ты о ней больше не услышишь.

– Сомневаюсь. Девушка весьма предприимчивая. Я уже проверила: стоит три часа кряду посмотреть какой-нибудь телевизионный канал, как там обязательно появится Стейси Стюарт. В вечернем ток-шоу на Первом – сюжет про нее. Она в центре внимания. Такое же шоу на Втором опять посвящено Стейси Стюарт. На Домашнем она же рассказывает о своих непростых отношениях с Андреем Ромашовым. Канал, специализирующийся исключительно на мистике, пригласил на шоу экстрасенсов все ту же Стейси Стюарт, чтобы маги сняли с нее порчу.

– А что с ней такое случилось?

– Как? Ты не слышал?!

– Имя, конечно, слышал. Но суть...

– Она сражается за любимого мужчину, – усмехнулась Галина. – Никак не может поделить Ромашова с бывшей его любовницей. Девушка утверждает, что Раиса Райская ей угрожает. Скажи мне, как адвокат по уголовным делам: есть у Стейси шанс упрятать эту Райскую в тюрьму и таким образом от нее избавиться?

Жена впервые за много лет спросила у него совета по делу, касающемуся его профессии! Журавушкин даже ушам своим не поверил. А потом подумал: «Говорят, что реклама уже не действует. Любая, в любой форме. А вот ничего подобного! Эту Стейси Стюарт моя жена уже ненавидит, но ей все равно интересно, чем все закончится? Галя о ней говорит, об этой Стейси, пусть с ненавистью, но имя запомнила, и наверняка посмотрит хотя бы одну серию из того „мыла“, которое скоро выйдет на телеэкран. Со Стейси Стюарт в главной женской роли. Хотя Галя его и терпеть не может, это мелодраматическое „мыло“, и всячески ругает. Но обязательно посмотрит, хоть одним глазком. А они этого и добиваются».

– Я полагаю, что все это выдумки, – размеренно сказал он. – Тщательно продуманная пиар-кампания. Возможно, что Райская с ними в сговоре. И потом: есть доказательства, у этой Стейси?... Как ты сказала? Стюарт?

– Она говорит, что есть. Диктофонная запись их ссоры с Рарой.

– С кем?!

– Так ее зовут, бывшую любовницу Ромашова: Рара.

– Зверинец какой-то! – поморщился он. – Стейси, Рара...

– Что ты хочешь? – пожала плечами Галина. – Богема!

– В общем, я понял: банальнейший любовный треугольник. Юная невеста, брошенная возрастная любовница и брутальный красавец-мужчина. Хотя бы он того стоит?

– О, да! – Галина внезапно оживилась. – Андрей Ромашов – самый красивый и сексуальный актер на нашем экране со времен перестройки! Я его помню в каком-то историческом сериале. Он был тогда совсем еще молоденький, но уже с неимоверной харизмой! А сейчас Ромашов превратился в мачо, и для женщин просто неотразим! Даже ранняя седина ему безумно идет!

– Я и не знал, что у меня есть соперник, – с удивлением посмотрел на жену Журавушкин. Он-то думал, что мужчины ее давно уже не интересуют. Ан нет! Не потому ли у них давно уже нет интимных отношений, что муж далек от ее идеала?

– Увидеть Ромашова – и умереть, вот о чем я мечтаю, – вздохнула Галина.

– Ты его и так видишь, чуть ли не каждый день на телеэкране, – буркнул он.

– Это не то. Я хочу увидеть его вживую, понимаешь? – горячо сказала жена. – Узнать, какой он? И чтобы он посмотрел только на меня, зная, что это я.

«Она только что наивно призналась мужу в любви к другому мужчине, – с удивлением подумал Аркадий. – Пусть платонической, и без всяких шансов на взаимность, но у нее есть кумир! Идол, о котором она грезит по ночам! Это значит, что я для нее больше не мужчина. Вот до чего дошло!»

Их брак считался идеальным. Они друг другу не изменяли, причем, все у них было на доверии, никто ни за кем не следил. Дочь – умница, не доставляла никаких проблем. За исключением того, что жила отдельно. Но ее они тоже не контролировали. Оба работали, и неплохо зарабатывали. Имели друзей, людей своего круга, с которыми можно было поехать летом на пикник и нанести им визит четвертого или пятого января, чтобы развеять скуку слишком уж продолжительных рождественских каникул. У них с Галиной имелась хорошая трехкомнатная квартира почти в самом центре Москвы, две машины, у нее дамская, подешевле, у него представительская, подороже, они также могли проводить свой отпуск за границей, разбив его пополам: летом в Европе, зимой где-нибудь на Мальдивах. Очень удобный брак. Во всех отно-

шениях выгодный. Так живет московский средний класс. А Журавушкины – типичные его представители.

Он машинально посмотрел на экран. Жена торопливо щелкала пультом, гадая, на чем бы остановиться?

– Ну, вот опять! – вскричала она так, что Журавушкин невольно вздрогнул. – Скажи еще, что я не права! Опять эта Стейси!

Очень красивая девушка неподвижно сидела в глубоком кресле, а мрачный мужчина в черном балахоне, похожий на ворона, делал над ее белокурой головой пассы.

– На тебе лежит проклятие... – вешал маг. – Вижу... Вижу женщину... Эта женщина несет тебе смерть...

Журавушкин опять вздрогнул, потому что Галина переключила канал. И по иронии судьбы увидела все ту же Стейси Стюарт, которая торжествующе сказала в нетерпении подавшемуся вперед корреспонденту:

– Вчера я купила пистолет!

«Он был так хорош, что ревность терзала ее сердце своими стальными когтями»

– Ты собираешься что-нибудь делать, или нет?!

– А? Что?

– Андрей! Очнись, наконец! Сколько можно?!!

– Настя, ты о чем?

– Эта женщина хочет меня убить, я знаю!

– Кто? Рара? – он едва не расхохотался. – Да зачем ей это надо?

– Из-за тебя! Она уже старуха, а мне только двадцать! Я же вижу, с какой завистью она на меня смотрит!

– Она и в двадцать-то не была красавицей, – усмехнулся он. – Если Рара и завидовала таким высоким длинноногим блондинкам, как ты, то это давно прошло.

– Андрей, ты, что, не понимаешь?! Мы уже объявили о нашей свадьбе! Она не может оставаться в этом доме!

– Милая, это ты не совсем понимаешь, – сказал он, как можно мягче. – Рара – мой пресс-секретарь. Это работа, и только.

– Зачем ты мне врешь?!

Настя отбросила одеяло и вскочила. Он окинул оценивающим взглядом ее фигуру и вынужден был признать, что женщинам есть чему позавидовать. В двадцать лет любая хороша, потому что молодость есть молодость, а уж высокая блондинка без грамма жира на стройном теле, так вообще сказка. Если Насте бог что-то и не дал, то пластические хирурги и стилисты легко это подправили. Импланты, вставленные в грудь, и закачанный в губы гель довершили образ секс-символа, а наращенные волосы и их цвет, а-ля платиновая блондинка, добавили Насте яркости. Можно было сказать, что в спальне Ромашова стоит сейчас Само Совершенство. Жаль только, что оно дурным голосом орет:

– Она твоя любовница! Это все знают! Вы вместе вот уже тринадцать лет!

– Двенадцать, – машинально поправил он. – Я ее год добивался.

– Ты хочешь меня упрекнуть в том, что я легла с тобой в постель в первый же день?!

– Настя, не передергивай, – поморщился он. – Она это она, а ты это ты.

– Ты знаешь, что она сказала мне сегодня, когда я вышла к завтраку? – трагическим шепотом спросила Настя.

– Что?

– Она сказала мне: «Доброе утро»!

– Это говорит о хорошем воспитании.

– Это говорит о том, что она меня ненавидит! Ты бы слышал, *каким* тоном она мне это сказала! «Доброе утро»! Понятно, что оно не будет для меня добрым! И вот, пожалуйста! Я опрокинула чашку кофе на новенький айфон!

– Да, это трагедия, – с иронией сказал он. – И виновата в ней Рара.

– А я тебе говорю, что она навела на меня порчу! Меня позавчера не утвердили на роль! И вообще: последнее время все идет не так!

– А ты бы обратилась к ней за помощью. Рара очень умная женщина. Вы бы вместе проанализировали ситуацию, и быть может, дело не в порче, а в тебе? Ты немножко не так себя повела, и поэтому...

– Замолчи! Ты ничего не хочешь для меня сделать! Ничего!

– Милая, ты не права.

– Тогда пусть она уедет!

– Мы живем здесь вот уже десять лет...

– Мы?! Ты сказал мы?!

– Она выбирала для меня этот дом, – тихо напомнил он. – Как сначала выбирала роли. Я обязан ей всем.

– Ты хорошо ей платил. Ты даже ее трахал! Да пусть она будет тебе благодарна!

Благодарна?!..

«Он смотрел на нее тем умоляющим взглядом, который сводит женщин с ума»

– Нет, этого не будет никогда!

– Но почему?!

– Не будет, и все, – отрезала она.

– Ты меня не любишь?!

– Господи, какая любовь?! Ты о чем? Ну, хорошо. Я просто люблю другого.

– И кто он, этот другой?

– Лёва, зачем тебе это?

– Я не Лёва, я Андрей!

Она посмотрела на него удивленно:

– Похоже, ты начинаешь проявлять самостоятельность. Пора тебе выбить настоящую мужскую роль.

– И как ты это сделаешь? – он схватил ее за руку. – Покажи!

– Ты, в самом деле, хочешь это знать?

– Да!

– Я просто попрошу, – она улыбнулась своей странной, сводящей с ума улыбкой и положила руку ему на плечо.

Совсем, как тогда, во время их первой встречи. И не так. Провела ладонью, до локтя, заскользила пальцами по предплечью и, остановившись на его ладони, легонько ее сжала. А потом отпустила и погладила. И вдруг ее рука замерла. Он почувствовал силу и нежность ее прохладных пальцев. А сами их кончики были жгуче-холодными, казалось, у него на ладони лежит горсточка льдинок. В такую жару, после утомительного дня, показавшегося Ромашову бесконечным, это было особенно приятно. – Останемся друзьями, – тихо сказала Рара. – Твои дела идут в гору, чего тебе еще?

– Я хочу знать, зачем я тебе, если ты не хочешь быть моей женщиной?

Она на минуту задумалась. Они сидели в кафе, куда зашли после только что завершившихся съемок. Вечером, уже после девяти, Рара приехала из офиса кинокомпании «Денебола» на съемочную площадку, навестить своего любимого актера. Он заподозрил, что ее прислал генеральный продюсер, с которым она по-прежнему спит. Узнать, как себя чувствует главный

герой? Насколько устал господин Ромашов, и в какой он вообще нынче форме? Он, действительно, устал, поэтому хотел эту женщину сильнее, чем обычно. Смертельная усталость мешала ему контролировать свои чувства.

– Зачем я тебе? – с нажимом повторил он свой вопрос.

– Хорошо, я объясню. Сейчас все только начинается, кинематограф будет бурно развиваться, как и все остальное. Потому что появляются сумасшедшие деньги. Их будут во что-то вкладывать, или в кого-то. В обществе же сейчас сплошная мешанина. Со временем все его члены распределятся по своим нишам, и наступит порядок. А потом скука. Желание перемен. И начнется новый цикл. Но сейчас – самое начало всего. Нулевые они и есть нулевые. Вот и надо вмешаться в это распределение. Есть место секс-символа, как есть место всенародно любимой певицы, главной балерины или самого тиражного автора. Это место кто-то должен занять, просто потому, что оно есть, и на него нужен человек. И он, этот человек, не в вакууме живет. У него есть связи, друзья, родственники. Чем больше его лобби, тем больше у него шансов попасть на заветное вакантное место. Новому времени нужны новые идолы.

– А что требуется от самого человека?

– Вот тут мы дошли до сути. Покладистость и сговорчивость. Лояльность. Независимые и строптивые никому не нужны. С ними трудно. Ну и, разумеется, желание чего-то добиться, работать.

– При первой нашей встрече ты сказала, что я мягкий, – усмехнулся он. – Этим и обусловлен твой выбор?

– Отчасти, – улыбнулась Рара. – Ведь когда ты будешь на вершине успеха, ты же не забудешь тех, кто тебя туда поднял? Не беспокойся, за каждый скормленный витамин я потребую с тебя массу маленьких услуг, – пошутила она.

– Но я хочу ответную услугу. Всего одну.

– Какую?

– Я хочу с тобой спать. Разве ты сама в этом не заинтересована? Это привяжет меня к тебе и будет гарантией того, что я буду делать все, что ты скажешь.

– А ты не глуп. А как же мои чувства?

– А мои? Чем я, по-твоему, должен играть?

– А ты играешь? – рассмеялась она, показав ослепительно белые зубы, ровные, похожие на дорогие жемчужины. Это было единственное в ее внешности, что сразу бросалось в глаза: безупречные зубы. – Лёва... Извини, Андрей, ты себе льстишь. Всю жизнь ты будешь играть себя самого. Ты очень хорош собой, женщины будут сходить по тебе с ума, и тебе вовсе не надо для этого играть. Камера тебя любит. Но не вздумай ее обманывать: играть какие-то чувства. Она тебя мигом разоблачит. Покажет твою беспомощность. Будь собой.

– Хорошо. Я это учту. Так что насчет нас с тобой?

– Я на пять лет старше.

– Не набивай себе цену.

– Я далеко не красавица.

– Это все?

– И, главное, как я уже сказала: я люблю другого.

– А мне на это наплевать! Я подозреваю, что ты меня, таким образом, привлекаешь. Если отбросить эмоции, ситуация выглядит так: молодого красивого актера опекает малопривлекательная редакторша кинокомпании. Должность не слишком завидная, к тому же редакторша на пять лет его старше. И каковы ее шансы, если она решила заполучить его в свою постель? А о твоей любвеобильности ходят легенды. Они, эти шансы, практически равны нулю. Вот ты и набиваешь себе цену.

– Блестяще! – похвалила Рара. – Я тебя недооценила. Нет, Ромашов, ты не глуп. Ты умеешь манипулировать людьми. Тебя стоит опасаться. Поэтому лучше уж я буду с тобой спать. Но давай обставим это как-нибудь красиво? Как у тебя с романтикой?

– Так же, как с литературой. Я много читал, но мало что понял.

– Хорошо, едем!

– Куда?

– Ко мне домой.

– Это и есть романтика?!

Она рассмеялась в ответ своим странным смехом. Он уже начинал понимать, что особенного в этом смехе, чего в нем больше. Определенно, безумия. Когда речь идет о любви, о сексе, или о том, что еще называют траханьем, в Раре появляется эта опасная сумасшедшинка. Ему стало не по себе.

– Ты боишься? Или ты передумал?

– Нет, отчего же?

– А твой муж дома? – спросил он, когда они уже ехали в лифте.

Рара жила на последнем этаже, под самой крышей, и все время, смеясь, говорила, что крыша эта постоянно течет. Все в ответ почему-то улыбались. Хотя, какой тут намек? На ее неверность мужу? На бесконечные романы, о которых Раевич не может не знать?

– Я не знаю, дома он или нет, – улыбнулась Рара. – Для тебя, для того, что у нас с тобой будет, это не имеет никакого значения.

Лифт вдруг дернулся и встал.

– Дом старый, у нас постоянно что-то ломается, – равнодушно сказала Рара, и вдруг принялась стаскивать с него футболку.

– Что ты делаешь?!

Она пошарила за спиной и нажала кнопку вызова диспетчера.

– Слушаю вас... – проскрипел динамик через минуту.

В этом момент Ромашов стоял уже и без штанов, а Рара медленно опускалась перед ним на колени.

– Говори... – велела она.

– Что говорить? – сдавленно спросил он.

– Говорите: что случилось? – надрывался динамик.

– У нас... лифт... встал...

Рара тихонько рассмеялась.

– На каком этаже?

– Понятия не имею! – выдохнул он.

– Какой подъезд? – допытывалась диспетчерша.

– Сука! – выругался он. – Что ты делаешь?!

Динамик потрясенно замолчал.

– Как это выключить? – простонал он, шаря рукой по панели с кнопками и попеременно нажимая их все.

– Чем вы там занимаетесь? – сообразила диспетчерша.

– Мы трахаемся! – громко сказала Рара, освободив на секунду свой рот.

– Хулиганы! Я милицию вызову!

Ромашов попытался оттолкнуть эту безумную женщину, которой пришло в голову здесь и сейчас заниматься сексом, но в этот момент лифт дернулся и поехал вверх. Ромашов представил, что вот сейчас они остановятся, двери откроются, и, возможно, там, на площадке верхнего этажа, стоит ее муж...

– Не надо бояться, мальчик, – сказала Рара, поднимаясь с колен и тыльной стороной ладони вытирая мокрый от спермы рот.

– Это ты называешь романтикой?! Я понял: ты просто хочешь от меня избавиться!

– Я хочу, чтобы ты перестал бояться. Тебя слишком заботит мнение о тебе других. А я ищу тебя самого.

Лифт остановился. Когда они вошли в квартиру, ее муж оказался дома.

«Она с самого начала это знала!» – потрясенно подумал Ромашов.

Все происходящее вызвало в нем ужас и отвращение. Поэтому первое, что он сделал: пошел в туалет. Склонившись над унитазом, он подумал:

«Все, что было в нем чистого и честного, весь его внутренний мир, взлелеянный им с такой любовью, в мгновение ока рассыпался под этим ударом судьбы на миллион осколков...»

«...в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения...»

Эта фраза к делу не имела никакого отношения, как Журавушкин вскоре понял, но он все равно повторял ее про себя раз за разом: «в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения». Потому что сам Аркадий Валентинович находился сейчас именно в таком состоянии.

Сначала разволновалась его секретарша. Да так, что Журавушкин едва узнал свою спокойную и рассудительную Алису, когда она, задыхаясь, влетела в его кабинет:

– Там... там... там...

Щеки у девушки пылали, язык от волнения заплетался. «Если там, в приемной, не папа Римский, я съем свой галстук», – невольно усмехнулся Журавушкин.

– Ко мне посетитель?

– Да! – выдохнула Алиса.

– Но, насколько я помню, о встрече я ни с кем не договаривался.

– Аркадий Валентинович, я вас умоляю! – она сложила ладони домиком и посмотрела на него, как смотрит маленький ребенок, который выпрашивает дорогую игрушку. Его разобрало любопытство.

– Хорошо, пригласи, – кивнул он.

Обрадованная Алиса выбежала в приемную. Дверь вскоре вновь распахнулась и секретарша Журавушкина, пятась в кабинет своего босса и нарушая, тем самым, субординацию (да что там! вообще хамство!), вся пылая, залепетала:

– Проходите, пожалуйста... Вот сюда... Сюда...

Едва взглянув на вошедшего, Журавушкин понял, в чем тут дело: в кабинет вошел ее Бог. Андрей Ромашов собственной персоной. В жизни он оказался еще лучше, чем на экране, хотя обычно бывает наоборот. Но к Ромашову это не относилось. Он был высок ростом, чего экран передать не мог, волосы растрепаны, а не прилизаны и налачены, и это ему шло гораздо больше. И вообще, на два тона ниже, то есть, без яркого грима, Ромашов смотрелся гораздо привлекательнее. Человечнее, что ли, а не как картинка из глянцевого журнала. Может быть потому, что от природы он был ярким брюнетом и, будучи загримированным, казался злодеем? Каким-то злым и жестким. Сейчас же он был мягким и до боли несчастным. Поэтому Алиса и прослезилась.

Журавушкин и сам разволновался, когда увидел кумира всех российских женщин в таком состоянии. Ромашов даже не сразу смог говорить. Какое-то время он, молча, сидел в кресле напротив Журавушкина. И лишь через минуту смог выдавить из себя:

– Извините... я... – и вновь надолго замолчал.

Алиса, которая против правил так и стояла в дверях, сообщила, что ему надо:

– Может быть, вам что-нибудь принести? Чай, кофе, или...

– Коньяку, – с благодарностью посмотрел на нее Ромашов. Алиса тут же просияла.

– У нас только армянский, – виновато сказала она. – Три звездочки.

– Все равно, – махнул рукой Ромашов. – Несите.

Тут только Журавушкин почувствовал, что от гостя уже пахнет спиртным. Хотя на ногах Андрей Ромашов стоял твердо.

– Давно пьете? – как можно мягче спросил Аркадий Валентинович.

– Второй день. Так что, можно сказать, недавно, – усмехнулся актер.

– Итак, что случилось? – спросил хозяин кабинета все тем же тоном, мягко и заботливо, как доктор у больного раком. Ибо по виду Ромашова было ясно – случилось что-то серьезное. Со смертельным исходом. Журавушкин интуитивно это почувствовал.

– Сейчас... – Ромашов коротко вздохнул, собираясь с силами. – Мне сказали, что вы один из лучших в Москве адвокатов по уголовным делам.

– Ну, если так говорят...

– Так вы лучший или нет? – раздраженно спросил Ромашов. – Если вы отказываетесь, я пойду в другое место! Потому что мне нужен лучший!

– Я еще даже не знаю, в чем дело, – осторожно сказал Аркадий Валентинович.

– Ее убили. Я должен сделать все, чтобы...

Ромашов замолчал, потому что в кабинет вошла Алиса с подносом. Она расставила перед мужчинами хрустальные рюмки (зачем две?), тарелочку с нарезанным лимоном, бутылку коньяка. И замерла у стола.

– Ты можешь идти, – сказал ей Журавушкин.

Секретарша, нехотя, поплелась к двери. Когда они опять остались вдвоем, Журавушкин спросил:

– Итак, вашу любовницу убили...

– Невесту, – поправил Ромашов.

– Не понял? Вы ведь говорили о...

– О Насте. Стейси Стюарт. Наверняка слышали, – усмехнулся актер.

– Так это ее убили?!

– Ну да. А вы о ком подумали?

– Я почему-то подумал...

Ромашов бросил на него быстрый взгляд, из-под ресниц, которые поразили Журавушкина своей длиной. Казалось, на глазах у Ромашова плотные шторы, за которыми он прячет непонятно что. Отчаяние? Ненависть? Боль? Не понятно даже, какого цвета у него глаза? Скорее всего, карие. Почти черные.

– Убита Настя, – отрывисто сказал Ромашов. – Все настолько очевидно, что Рару тут же забрали.

– Забрали?

– Задержали. Арестовали. Я не знаю, как это *у вас* называется. Вы юрист, не я. Вы и квалифицируйте. В общем, она в тюрьме.

– Я слышал, что ваша любовница угрожала вашей невесте. Но этого слишком мало, чтобы предъявить обвинение в убийстве.

– Настю нашли в саду. Рядом стояла Рара. Между ними лежал пистолет. Чего вам еще?

– А подробности?

– Все это случилось вчера ночью. Точнее вечером, около полуночи. Я и так еле дождался сегодняшнего утра. Вчера... Вчера я просто не мог. Ничего не соображал, потому что был в отчаянии. Да что там! Я был в шоке! Подробности вы узнаете, если поедете вместе со мной сейчас к следователю. Тут у меня какая-то бумажка... – Ромашов пошарил в карманах и протянул Журавушкину мятый листок. – От следователя... Если вы согласны взяться за это дело, то я вас нанимаю.

– Постойте... Рару нашли в саду. А пистолет? Из какого оружия убита ваша невеста?

– Это ее пистолет. Настя купила его, чтобы себя защитить. И даже получила на него разрешение.

– Собрала все необходимые справки? – удивленно спросил Журавушкин. – Или купила?

– Она честно прошла медкомиссию. А на что это вы намекаете?

– У меня были сомнения в ее нормальности.

– Настя была стопроцентно нормальна, так же как и Рара.

– А чего вы, собственно, от меня хотите?

– Как чего?! Я хочу, разумеется, чтобы вы вытащили Рару из тюрьмы!

– Если все, что вы говорите, соответствует истине, то это будет сделать невероятно трудно, – покачал головой Журавушкин. – Статья слишком серьезная. От шести до пятнадцати. Плюс отягчающие. Поэтому, скорее, пятнадцать.

– Какие к черту отягчающие?! – заорал Ромашов. И залпом выпил коньяк, после чего тут же налил себе еще.

– Помилуйте! Речь идет о предумышленном убийстве!

– Она это сделала не нарочно, – угрюмо сказал Ромашов.

– Вы телевизор смотрите?

– Нет, – отрезал актер, который с завидным постоянством, минимум раз в неделю появлялся на телеэкране.

– Вот уже два месяца ваша невеста всем твердит... Извините, твердила, что ей угрожают. Называла имя: Рара. Нет такого издания, которое бы об этом не написало. И вот свершилось: Стейси Стюарт убили. У ее трупа обнаружили женщину, которая угрожала это сделать. У обвинения сто миллионов свидетелей! Все, кто смотрят телевизор и читают газеты! Если нет, то они сидят в Инете, а там эта новость те же два месяца в топе! Да что я говорю? Какие там сто миллионов? Больше!

– Наверное, это так, – угрюмо сказал Ромашов. – Но что-то же можно сделать? Я заплачу вам любые деньги.

– Да при чем тут деньги, – махнул рукой Журавушкин.

– Я понял: вы дорожите своей репутацией. Проигрывать не хотите. Что ж... – Ромашов приподнялся.

– Да сядьте вы!

Тот сел. Журавушкин какое-то время молчал, собираясь с мыслями. Он так и не понял, почему вдруг подумал, что убита любовница, а не невеста. Все было настолько очевидно. Если уж и намечался труп, то есть кровавая развязка драмы, то убить должны были Рару. Стейси ведь так убедительно играла жертву. А забывать о том, что речь идет об актрисе, хоть и плохой, но актрисе и уж точно о стерве, нельзя. Стейси Стюарт не жертва, но играла эту роль с таким энтузиазмом, что фальшивые ноты сыпались из партитуры, как из рога изобилия.

– Это могла быть самооборона, – размеренно сказал Журавушкин.

Теперь он понял, почему в голове все время вертелась эта фраза из Уголовного кодекса: «в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения». Это и есть та первая ступенька лестницы к свободе Рары, на которой и будет строиться защита. Ключевое слово «внезапно». Все случилось внезапно, и Рара не соображала, что делает. Если бы еще доказать, что между ними вспыхнула ссора... Оружие-то принадлежало Насте! Вот где зацепка! Журавушкин коротко вздохнул:

– Пожалуй, я берусь за это дело.

– Тогда едем! – откровенно обрадовался Ромашов.

– Ответьте мне честно на один вопрос. По крайней мере, постарайтесь не лукавить. И хватит уже пить!

Ромашов послушно отставил бутылку:

– Я вас слушаю?

– Кого вы любили?

– Настю, конечно! То есть, сначала, безусловно, Рару. Но время, знаете ли, идет. Мне хотелось семью, детей. А Рара не может иметь детей. И потом: она старше меня. Наши отношения себя исчерпали, – с пафосом сказал Ромашов.

– Тогда почему вы меня нанимаете? Не стыкуется, Андрей... Извините, как вас по отчеству?

– У нас, у актеров, нет отчеств, – усмехнулся тот. – Но поскольку у нас с вами отношения официальные... Лев Георгиевич.

– Лев?!

– Или Андрей Георгиевич. Как вас больше устраивает? Мне все равно.

– Вы не ответили на мой вопрос. Зачем вы меня нанимаете?

– Она меня сделала, – тихо сказал Ромашов. – Это, если хотите, в знак благодарности. Будет несправедливо, если моя и без того успешная карьера после такого пиара опять пойдет в гору, а Рара выйдет из тюрьмы старухой. Ей ведь уже сорок три. Пока суд да дело... Тюрьма не курорт. Рара там превратится в развалину, а может, даже руки на себя наложит. Я ведь ее знаю. Это несправедливо.

– Принимается, – кивнул Журавушкин и поднялся. – Ей повезло, что она поставила на вас, а не на кого-нибудь другого.

Повезло?!..

«Его прекрасное лицо казалось ангельским, когда он плакал...»

– Я тебя умоляю: не бросай меня. Ну, хочешь, я на колени встану?

Он и в самом деле дернулся, собираясь опуститься на пол.

– Андрей, прекрати! – поморщилась Рара и схватила его за руку. – Сядь! К чему этот пафос? Ты получил все, что хотел. Теперь у тебя есть деньги, ты можешь решить все свои проблемы. Купить квартиру, дом, машину, какую хочешь. Я тебе больше не нужна.

– Но я тебе нужен. Ты права: свои проблемы я решил. А как быть с тобой?

– Жила же я как-то до тебя? – пожала плечами она.

Они сидели в кафе, вот уже две недели они встречались именно так: урывками, в местах, где полно народа. Рара явно не хотела оставаться с ним наедине. И он понял, что это означает: разрыв отношений. Хотя отношения эти были точно такими же: урывками, всегда неожиданно и наспех. Едва дойдя до воды, он с ужасом замечал, что начинается отлив, и все время спешил. А ему так хотелось насладиться прохладой и покачаться на соленой, как выступившие из его глаз слезы счастья, волне. Все чаще Ромашову казалось, что он незваный гость на этой зажигательной вечеринке, стоит в самом темном углу и гадает, прогонят, не прогонят? И если позовут к столу, то когда? И вот Рара собирается захлопнуть перед его носом дверь. Это его по-настоящему взбесило.

– Кинокомпания «Денебола» на грани банкротства, – уверенно сказал он.

– Откуда ты знаешь?

– Все женщины в этой стране, независимо от их возраста – мои поклонницы, – насмешливо напомнил Ромашов. – Или ты забыла? Разве не ты меня учила: «ни в коем случае, не женись, Лёва. Ты принадлежишь всем. На вопрос о личной жизни загадочно улыбайся и говори, что все еще ищешь свой идеал». Я получил информацию из достоверного источника, не сомневайся.

– Я слышала о твоём романе с дочкой генерального продюсера. А ты молодец! Не теряйся!

– Ты же спишь с ее отцом. Я тоже могу сказать: молодец.

– Значит, ты это делаешь мне назло? Это месть, да? Я вовсе не обиделась, напротив, очень рада.

Она медленно принялась размешивать чайной ложечкой густую пенку в высоком бокале с мятным латте. Злость Ромашова все росла. Рара его не ревнует. Какие еще нужны доказательства того, что он ей безразличен?

– Если хочешь знать, я с ней не сплю, с этой девочкой. Мы просто ходим по ночным клубам и снимаемся для глянца.

– А ты не хочешь на ней жениться? – вкрадчиво спросила Рара. – По-моему, она хорошенькая и неглупая.

– По-прежнему мечтаешь от меня избавиться?

– Я тебе не надоела за два-то года, Лёвушка?

– Меня зовут Андрей! – вспыхнул он.

– Пусть так. Но ты все равно Лёвушка, Ромашов, – тихо рассмеялась она.

У него по спине побежали уже знакомые мурашки. Захотелось нагнуться к ней и вдохнуть ее запах, мускусный, дразнящий, провести языком по тонкой шее, от ключицы до самого уха, залезть в него языком и почувствовать ее ответную дрожь. Рара очень быстро заводилась, надо было только оказаться в подходящем месте. В тесном помещении, где ей некуда будет деться, и она, как это было в последние две недели, не сможет от него убежать. Хотя бы в такси. Или в лифте...

– Поедем к тебе, – попросил он.

– Нет. Там Фима.

– Раньше тебя это не смущало. И его тоже.

– Если мой муж мало зарабатывает, это не та причина, по которой... – она запнулась и сбилась.

– Ну, продолжай. По которой он тебя продает. Нет, не так выразился. По которой он позволяет тебе себя продавать. Устраивать ваши дела. Ведь это ты зарабатываешь деньги. А он занимается наукой. Извини, над чем он сейчас работает? Какой-то там поэт...

– Бодлер. Фима пишет диссертацию о творчестве Бодлера. Ефим Иванович не согласен с тем, что Бодлера называют поэтом мелкой буржуазии. По мнению Фимы, Бодлер гораздо глубже. Его стихи и сейчас звучат актуально.

– Еще бы! – хмыкнул Ромашов. – Все эти психоделические опыты... Он же употреблял гашиш и со знанием дела описывал процесс. А потом перешел на опий. Твой Фима, часом, наркотиками не балуется? Хотя бы для того, чтобы понять, что чувствовал его любимый поэт. Быть так, сказать, поближе к творчеству. К декадансу. По мне, так Ефим Иванович и есть декаданс. Твой муж из дома когда-нибудь выходит? Или только и делает, что целыми днями упивается своими придуманными страданиями?

– Не юродствуй! Мой муж – умница! Если хочешь знать, он гений!

– Прекрасно! Пусть работает над своей диссертацией! Один вопрос: откуда из всего этого бреда возьмутся деньги?

– Это не бред! – вспыхнула она.

– Пешком с ночевкой вокруг бабла, – вот как это называется. Или я чего-то не знаю? Может быть, Ефим Иванович задумал урвать Нобелевскую премию?

– Андрей, прекрати немедленно! Бабло, урвать... Ну, откуда в тебе это?! Я же помню, каким ты был три года назад, когда мы встретились. Милый мальчик с большими наивными глазами. А сейчас тебя не узнать. Ты стал не просто жадным. Ты стал алчным. Чувствуешь разницу? К тому же ты стал неразборчивым. Снимаешься, где попало, лишь бы платили деньги. Скажи: чего ты этим добиваешься?

Он всерьез разозлился. Скажите, пожалуйста! Ей не понравилась его последняя работа! А для кого он все это делает? Ему ведь до зарезу нужны деньги. Только-только выбился из нищеты, а вокруг полно соблазнов! Если бы она знала, *какое* у него было детство! Не всем же повезло родиться в Москве. В полной семье, у родителей-интеллигентов, которые вечерами

читают книги и обсуждают новости культуры, а не бьют посуду и морды друг другу, заглушив водкой или дешевой самогонкой тоску от безысходности и невозможности изменить свою жизнь. Мама у Лёвы Ромашова, да, была интеллигентная. А вот отец...

Есть такой вопрос, на засыпку: кто сильнее, муравей или слон? На первый взгляд, конечно, слон. Он же огромный! Но зато муравей поднимает ношу в восемь раз больше собственного веса, а слон и своего веса не поднимает. Так что если сделать их одинакового размера, то муравей окажется намного сильнее слона.

Так и с ними, с ним и с Фимой Раевичем. Если бы Фима родился в такой дыре, где родился Лёва Ромашов, да у таких родителей, то он бы в лучшем случае был сейчас учителем в сельской школе. А в худшем спился. Он же, Ромашов, стал актером. Да, он снимается в сериалах. Пока в сериалах. Но его уже узнают на улице и в метро. А что было бы, если бы он родился в Москве, у известных родителей? Где-нибудь на Остоженке? Да все бы у него уже было, и гораздо раньше! Неужели Рара этого не понимает?! Да как она может их сравнивать, да еще и в пользу своего мужа-бездельника?!

– Я понял, – сказал он зло. – Фима занимается делом, а я фигней. Он изучает Бодлера, а я снимаюсь в гребаном мыле. Он герой, а я рубщик бабла.

– Прекрати употреблять жаргонизмы! – поморщилась Рара.

– А мне можно. Я ж не знаю, кто такой Бодлер. Я же быдло.

– Не играй, тебе это не идет! Я знаю, что ты прекрасно образован и начитан! Ведь твоя мама преподавательница литературы! У тебя врожденная грамотность!

– А я подстроился под *это* время. Сменил белые одежды рыцаря на костюм мерзавца, зато от Версаче. Чего и тебе советую. Пусть наш Фима Раевич будет весь в белом. А мы с тобой наденем модные костюмчики в стразах и пойдем тусоваться. На самом деле ты гораздо ближе ко мне, чем к нему. Ты просто не хочешь это признать. Тебе нравится такая жизнь: тусовки, съемки, телеэфиры. Быть в гуще событий, чувствовать, как жизнь течет сквозь тебя, а не мимо. Чтобы ежеминутно звонил телефон, и ты бы так же ежеминутно ощущала свою востребованность. Рара, кинокомпания «Денебола» скоро обанкротится, и ты останешься без работы, – уверенно сказал он. – Кстати, я теперь знаю, откуда взялось это название. Генеральный продюсер по гороскопу Лев. А кинокомпанию он назвал в честь тебя. Ха-ха! Остроумно! Рара – звезда в хвосте Льва! А хвост-то, оказывается, может вертеть не только собакой, но и Львом. Но вам конец, вашему сотрудничеству. Я же предлагаю тебе работу.

– Какую именно? – слегка напряглась Рара.

– Моего пресс-секретаря. И Раевичу местечко найдется. Я знаю, что у него имеются кое-какие связи. Их, этих «бодлерщиков», на Москве хватает. Он будет писать статейки, всякие там рецензии, или обзоры, в перерывах между осмыслением гениальных упаднических стихов, ты будешь их пристраивать, эти опусы, а я – зарабатывать деньги. Мы прекрасно устроимся: я с тобой, а Раевич с Бодлером. Жить мы будет вместе.

– Где? – в упор спросила Рара.

– Надо купить дом. Большой дом, просторный. Где-нибудь в престижном месте. На Рублевке или на Новой Риге.

– Это дорого.

– Возьму кредит. Не беспокойся, я быстро его отобью. Я люблю работать. Ведь вы живете в ужасных условиях, Рара, вам скоро крыша на голову упадет, в прямом смысле слова. А дом снесут не скоро. У вас нет денег на ремонт, а Раевич как мужик ни гроша не стоит. Крышу он чинить не будет. Да он гвоздя не может вбить! Ефим Иванович никогда не держал ничего тяжелее шариковой ручки! И что дальше? У вас в квартире сплошная разруха: кран течет, сливной бачок сломался, обои отошли от стен, штукатурка осыпалась. А ванная? Подумать только: у вас сидячая ванна! Как ты с этим миришься?

– Это всего лишь досадные бытовые мелочи, – поморщилась Рара.

– Да, но из этих мелочей складывается жизнь. Быт. Надо же и о теле думать, не только о душе. Ты не можешь все тянуть на себе. Рара! Вспомни, что ты – женщина!

– И как все это будет выглядеть? – медленно спросила она. – Ты, я и он.

– А как все это выглядело до сих пор? И кого это волновало?

– Бред какой-то, – поежилась она.

– Соглашайся. Ты только подумай: на работу ходить не надо, прогибаться под всяких там уродов не надо, свободного времени полно. У тебя буду только я.

– Да ты один стоишь десяти... – «уродов», чуть не вырвалось у нее. Ромашов это понял. И обворожительно улыбнулся:

– Обещаю: я изменюсь.

– Поклянись!

– Клянусь.

– Поклянись, что ты не будешь ограничивать моей свободы.

– Я тебе это обещаю.

В тот момент он мог поклясться в чем угодно. Она была так близко – стоило только руку протянуть. И он перестал что-либо соображать. Вот уже две недели они не были вместе. Рара готовила его к разрыву отношений, с чем Ромашов категорически был не согласен. Если внешне он выглядел вполне самостоятельным и успешным, то в душе по-прежнему оставался маленьким мальчиком, для которого кино – огромный волшебный мир, полный затаенных опасностей. И чтобы там выжить, нужен опытный проводник.

Ромашов холодел при мысли о том, что кто-то узнает, какой он на самом деле. Узнает о том, что когда он стоит перед режиссером, у «мачо» от страха дрожат колени, а язык немеет. Что Андрей Ромашов боится читать контракт, который дают ему на подпись. А вдруг это всего лишь сон? И проснувшись, он вновь окажется за кулисами, дожидаясь своего «кушать подано!». Боится поехать в банк и забрать свои деньги. Боится отвечать на телефонные звонки.

Если бы три года назад Андрей Ромашов не уцепился за женскую юбку, сейчас он по-прежнему пребывал бы в неизвестности. Главный в их тандеме не он, а она, Рара, хотя внешне все выглядит наоборот. Ромашов подозревал, что и генеральный продюсер «Денеболы» чувствует то же самое. Эта слабая женщина давала мужчинам такую силу, что они горы готовы были свернуть. Потому что Рара, как раз, ничего не боялась. Она легко готова была расстаться с удобствами своего положения, уйти в другую кинокомпанию, или в журнал, и все начать сначала. Не будет в ее жизни генерального продюсера, его место займет главный редактор. С ее вкусом издание наверняка пойдет в гору.

«Она мне нужна, – в отчаянии думал Ромашов. – И я ее не отпущу».

К тому же он уже привязался к этой женщине физически. Рара занималась сексом как-то по-особенному, откровенно и без всякой боязни. Может потому, что не боялась забеременеть? В юности она крайне неудачно сделала аборт, и мысль о материнстве была похоронена. Взамен этому пришло безудержное отчаяние и бесшабашность. Этим она и манила мужчин, которые подсознательно избегали брать на себя обязательства. С Рарой все было понятно: она не охотница за деньгами. Не навяжет нежеланного ребенка, не станет ловить на слове, названивать день и ночь, требуя к себе внимания. То есть, навязываться. Она прекрасно знала свое место: место случайной любовницы. С ней было легко, и эта легкость Ромашова порою пугала. Он хотел бы более прочных отношений. Постоянства. И сейчас, по его мнению, наступил переломный момент. Либо они расстанутся, либо съезжаются.

Чаши весов какое-то время колебались. Пока Рара не увидела этот дом. Ромашов намеренно выбирал из тех, которые наверняка ей понравятся. Без всяких затей, достаточно просторный, но не чрезмерно большой, не пафосный, потому что пафос Рара не выносила. Когда пускают пыль в глаза, кичатся своим богатством и демонстрируют успешность. Окончатель-

ный выбор оставался за ней, Ромашову же было все равно, где жить, главное, с кем. И вот он, кажется, нашел! Вернее, она.

В этом доме все было дорого, но просто, а, главное, уютно. Вот уюта Раре всегда не хватало. Этих аккуратно подстриженных газонов и вымощенных терракотовой плиткой дорожек, вьющихся змейками вдоль ухоженных клумб, шатра на зеленой лужайке, и качелей. А еще гамака, спрятавшегося в тени, среди цветущих яблонь. Их встречали в белом, словно на свадьбе, только все эти невесты были без жениха. Ромашов, одетый в черную куртку-косуху и обтягивающие джинсы, терялся в этом хороводе девственных вуалей и слегка смущался. Зато Рара невольно улыбалась, и трогала рукой шершавые стволы, вдыхая сладковатый дурманящий аромат цветущего сада. Ромашов сразу сказал, что за участком будет следить садовник.

– Посмотрим сам дом? – первой предложила она.

Ромашов обрадованно кивнул. Он понял, что ей понравилось.

– Кабинет Ефима Ивановича, – сказал он, распахивая одну из дверей.

Они поднялись на второй этаж, и это было самое уединенное место во всем доме: угловая комната, окнами выходящая на маленький искусственный водоем. Там, в черной воде, величественно покачивались водяные лилии, белые и нежно-розовые с темной сердцевинкой, сразу напомнившие Ромашову вазочки-розетки, в которые мама наливала малиновое варенье. Зрелище было умиротворяющее, по мнению Ромашова, оно абсолютно способствовало новому прочтению Бодлера. И Рара сломалась:

– Да, это восхитительно, – признала она.

Ромашов знал, чем ее взять. Ради Фимы она пойдет на все. Это и есть ее ребенок. Ее единственная любовь. Ромашов надеялся со временем это преодолеть, или как-то избавиться от Раевича. Спрятать его в задних комнатах, пока Ефим Иванович там не зачахнет. У него отсутствует сила воли, это какая-то амеба, полностью погруженная в мутную воду декаданса, который выбрал для себя обожаемый Раевичем Бодлер.

«Либо сопьется, либо застрелится», – подумал Ромашов, аккуратно закрывая дверь кабинета, который должен был стать для Фимы Раевича тюрьмой.

Но Ромашов сильно ошибался. Тогда он еще плохо разбирался в людях, хотя считал обратное. Воображал себя асом манипулирования людьми. На самом же деле, он не освоил и азов. Потому что идиллии, которую он себе вообразил, не случилось. А случилось другое: в тюрьме оказался он сам.

«...и в состоянии крайней необходимости...»

Именно эта фраза рефреном вклинилась теперь в его мысли. О чем бы он ни думал, какой бы текст мысленно не составлял, в конце каждого абзаца Журавушкин обязательно добавлял: и в состоянии крайней необходимости. Это была вторая ступенька лестницы в небо. К свободе его подопечной. Ибо в машине Журавушкин твердо решил взяться за это дело. Все та же адвокатская интуиция подсказывала ему, что не все так просто. Странностей в деле хватает. И он не ошибся.

Итак, Раиса Гавриловна Раевич (таково было имя Рары по паспорту) произвела выстрел в гражданку Васильеву, находясь в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения и крайней необходимости. У Рары просто не было другого выхода, иначе убили бы ее. Вот что необходимо доказать.

Сам Журавушкин был в этом уверен. В невинности Рары. По дороге к следователю он забросал Ромашова вопросами:

– Вы упомянули о том, что у Анастасии было разрешение на оружие. Что это за оружие?

– Травматический пистолет «Оса».

– Гм-м... Вы говорите, вашу невесту убили именно из него? Но это же травматика! Как говорят, безопасная для жизни человека.

– Стреляли в упор, с расстояния меньше метра.

– Кто вам это сказал? – живо обернулся к своему пассажиру Журавушкин.

Поскольку Ромашов с утра выпил, чтобы успокоить нервы, он приехал в адвокатскую контору на такси. Теперь они воспользовались машиной Журавушкина и тащились по пробкам, чему Аркадий Валентинович был несказанно рад. У него появилось время собраться с мыслями и как следует все разузнать у одного из свидетелей. самого важного, поскольку все это случилось из-за него.

– Эксперт, который осматривал место происшествия, при мне разговаривал с опером. Сказал, что ситуация очевидная: выстрел в упор, – нехотя пояснил Ромашов. – Я теперь часто снимаюсь в «милицейских» сериалах, да еще и «на основе реальных событий», так что механизм расследования мне понятен.

– Андрей Георгиевич, я понимаю, что вам неприятно об этом говорить. Но возьмите себя в руки. Иначе мы с вами понапрасну тратим время, мое и ваше.

– Хорошо. Я постараюсь.

– Про «Осу» я слышал, – немного сменил тон Журавушкин. Теперь он говорил чуть мягче и гораздо проще. Как со своим приятелем, не как со свидетелем. – Говорят, это самая опасная травматика из всех существующих. Для «Осы» есть специальная резиновая пуля, имеющая металлическую сердцевину, размер самой пули 15,3 миллиметра. Прилично. Скорость полета при выстреле сто двадцать метров в секунду, мощность выстрела равна восьмидесяти джоулям. У «Макарова» для сравнения двести. Но если стрелять на расстоянии меньше метра... – Аркадий Валентинович замолчал и покосился на своего пассажира.

– Ей разворотило левое легкое, – неохотно сказал Ромашов. – Зрелище было... – он поморщился. – Не для слабонервных. Говорят, стреляли не меньше трех раз. Настя умерла почти сразу... А вы хорошо разбираетесь в оружии.

– Мне уже приходилось вести такие дела. Травматику я знаю, как свои пять пальцев. Правда, на последнем процессе я защищал собаку...

– Собаку?

– Ну да, собаку. Пьяный хулиган выстрелил из травматики в щенка колли. Наверное, парню спяну показалось, что перед ним кавказская овчарка. Я знаю, что у «Осы» нет предохранителя. Патронов четыре, а вы говорите о трех выстрелах.

– Не я. Эксперт так сказал.

– Но вы слышали, как стреляли?

– Да. Я слышал.

– И сколько было выстрелов?

– Похоже, три. Знаете, я их не считал. После первого же понесся в сад. От волнения мне показалось, что там, в саду, автоматная пальба. После второго выстрела я перестал их считать... Такое ощущение, что вы меня допрашиваете.

– Я должен узнать как можно больше, прежде чем войду в кабинет следователя. Ведь он тоже будет вас допрашивать, и не единожды. Готовьтесь, тренируйтесь на мне. Вы не должны говорить ничего из того, что могло бы повредить Rare. Поэтому отвечайте четко, без малейших колебаний и без пауз. Где хранилось оружие? – быстро спросил Журавушкин.

– Как и положено: в сейфе. Я же говорю, что Настя все сделала по правилам. Ну, если и дала немного денег, то непосредственно в полиции, в отделе, где выдают лицензии. Чтобы ускорить процесс. Но все справки были подлинные. Из наркодиспансера, от психиатра. И сейф. С лицензией, как положено. Специально для хранения оружия, железный, с определенной толщиной стенок, с двумя замками.

– У вас был ключ?

– У нас с Настей все было общее, мы ведь собирались пожениться. Так что, можно сказать, был.

– А у Рары?

Ромашов задумался.

– О чем вы думаете, Андрей Георгиевич? – сердито спросил Журавушкин через пару минут. – Запомните: вы не должны молчать, тем более, так долго.

– Получается, у нас с Рарой тоже все было общее. И этот ключ...

– Где он лежал?

– У меня в спальне.

– А Рара часто заходила в вашу спальню? То есть, заходила ли она в вашу спальню после того, как в вашей жизни появилась Настя?

– Да, – признался Ромашов.

– А вы знаете, как это выглядит со стороны?

– Догадываюсь.

– Это была ваша инициатива или ее?

– Общая.

– Где в это время была Настя?

– В салоне красоты, в одном из модных бутиков, с подружками в кафе... Почему я знаю?

– А вам лично ситуация не кажется странной? Ваша невеста тщательно собирает справки на травматику. Она могла купить оружие неофициально. ОООН. Огнестрельное оружие ограниченного поражения, – расшифровал Журавушкин, поймав недоумевающий взгляд своего пассажира. – Извините, я адвокат. Я привык не только говорить, как адвокат, но и думать, как адвокат. Травматику купить довольно просто, и не обязательно официально проходить всю эту волокиту. Это ведь довольно утомительно. Вопрос: зачем она это сделала?

– Я не знаю.

– Была какая-то определенная цель, – уверенно сказал Журавушкин. – Если мы в этом разберемся, мы узнаем истину. Что-то тут не так.

– Мы, кажется, приехали, – Ромашов кивнул на красное кирпичное здание по левую руку. – Следственный комитет.

– Вы здесь уже бывали?

– Просто у меня хорошее зрение. И я умею читать. Там вывеска есть.

Они припарковались и вылезли из машины.

– После того, как вы меня представите, я получу свидание со своей клиенткой, – сказал Аркадий Журавушкин перед тем, как войти в здание Следственного комитета. – Хотите вы ей что-то передать? Так, чтобы это знали только она и вы?

Ромашов слегка замялся, потом сказал:

– Постарайтесь ее успокоить. Скажите, что я сделаю все, чтобы она вскоре вышла на свободу. Пусть немного потерпит.

– Я понял.

После того как Журавушкин вручил следователю ордер и предъявил свое адвокатское удостоверение, официальная часть была завершена. Представление и обмен верительными грамотами. Теперь они могли приступить к работе.

Следователь, коротко подстриженный мужчина с квадратной нижней челюстью, с ног до головы осмотрев Аркадия Журавушкина маленькими глазками, похожими на буравчики, удовлетворенно кивнул и сказал им обоим:

– Садитесь. Вы очень вовремя. Я как раз собирался предъявить вашей клиентке обвинение. Значит, Аркадий Валентинович, вы беретесь за ее защиту, несмотря на всю очевидность ситуации?

– Это решит суд, – сказал Журавушкин. – Сначала я хотел бы поговорить с Раисой Гавриловой. Это возможно?

– Разумеется, – кивнул следователь. – Вы знаете правила. Можете встречаться со своей клиенткой, когда угодно и сколько угодно. Ее сейчас приведут. Что же касается вас... – он посмотрел на Ромашова. – Лицо мне ваше знакомо.

– Я актер.

– А! То-то я смотрю: где-то я вас видел. Ваша фамилия... – следователь полез в бумаги.

– Ромашов, – тихо сказал актер. – Андрей Ромашов.

– Что-то слышал, – буркнул следователь. – Лично я телевизор не смотрю. Одно гуано показывают.

Журавушкин внимательно следил за выражением лица актера. Чувствителен ли укол для самолюбия Ромашова? Он ведь звезда! Умеет ли Андрей Георгиевич держать себя в руках? Не обидчив ли?

Ромашов держался прекрасно. Ресницы-шторы почти закрыли его глаза, Ромашов смотрел в пол. Или в стол. Ни один мускул на его лице не дрогнул, оно было печально и несчастно. И, как вынужден был признать Журавушкин, прекрасно. Если бы он был женщиной, то повесил бы фотографию Ромашова на стене в своей спальне. Интересно, а где ее прячет Галина?

Аркадий Валентинович задумался и невольно вздрогнул, когда услышал новый вопрос следователя. Тот обращался к Ромашову:

– Простите, кем вы приходитеесь обвиняемой?

– Подозреваемой, – поправил Журавушкин.

– Не учите меня протоколу. Лично я уверен, что убила Райская.

– Раевич, – опять поправил следователя Журавушкин. – Надо внимательнее работать с материалами и быть точнее в формулировках.

– Я уже понял, что мы с вами друзьями не станем, – огрызнулся следователь.

– Защита и обвинение друзьями быть не могут. Потому что я тоже вижу: вы настроены против моей клиентки. Но мы можем сотрудничать, чтобы вместе найти истину. И не допустить того, чтобы человек, невиновный в преступлении, отбывал за него срок.

– Я представляю интересы четы Раевичей, – вмешался в перепалку Ромашов. – В частности Ефима Ивановича, мужа Рары. Раисы... – он слегка замялся, – Гавриловны.

– А где сам муж? – насмешливо посмотрел на него следователь.

– Он... не слишком хорошо себя чувствует.

– А вы, значит, хорошо.

– Достаточно хорошо, чтобы позаботиться о защите своей... Своего пресс-секретаря.

– Ах, вот как! Вы, значит, своего сотрудника защищаете! И ценный, должно быть, сотрудник!

– Послушайте, не будем сейчас докапываться, кто с кем в каких отношениях состоял, – вмешался на этот раз Журавушкин. – Не об этом сейчас речь. Мы говорим о том, насколько необходимо оставить мою подзащитную в заключении.

– А я стараюсь быть точнее в формулировках, – насмешливо сказал следователь. – Вы ведь сами указали мне на мой непрофессионализм. Вот я и стараюсь исправиться.

– Я могу ее увидеть? – тихо спросил Ромашов.

– На основании чего? Будь вы ее мужем, я бы еще подумал. Я готов предоставить Раисе Гавриловне свидание с ее законным супругом, в обмен на признание вины. Но вы-то тут, с какого боку?

– Мы долгое время состояли... Господи, сколько можно меня мучить? – Ромашов взялся руками за голову и застонал. Как показалось Журавушкину, немного театрально. – Эта женщина мне дорога, понимаете? – Андрей Георгиевич опустил руки и в упор посмотрел на следователя. – Это все нелепость. Все, что случилось. Какая-то ошибка, ее и моя.

– А вот у меня другие сведения, – следователь полез в папку. – Я выдвигаю обвинение в преднамеренном убийстве... И вот что, господин актер: перестаньте тут кривляться. Эмо-

ции оставьте для дамочек. Я уверен, вы своим бабам... Простите любовницам, счет потеряли. Одной больше, одной меньше, какая разница?

– Какая разница?!

«Она любила его, как любят в последний раз, со всем неистовством страсти...»

– Ты точно не поедешь?

– У меня голова болит. – Рара потянулась и подложила под спину подушку.

Они сидели в гамаке, начался сентябрь, но погода была теплой, осень пока угадывалась лишь по цветам на клумбах: астры и гладиолусы. А еще георгины. Домовитая Рара добыла какой-то редкий куст, Ромашов даже не мог подобрать название этому цветку. Приглушенно-оранжевый? Ярко-персиковый? Неагрессивно-желтый? Куст был огромный, и рос прямо перед гамаком, в котором они с Рарой, обнявшись, полулежали. Ромашов не мог отвести глаз от георгинов. Почему-то они его раздражали.

Лето кончилось, начался новый сезон. На телевидении ожидался ряд громких премьер, и как тут без главного секс-символа страны? Ромашов уже отснялся для глянца и массового издания с телепрограммой, выходящего почти миллионным тиражом. Для обложки. Как всегда, он получил массу приглашений: на кинопремьеры, именины, открытия модных бутиков, презентации и просто дружеские вечеринки. Были те, на которые можно и не ходить, но существовала и так называемая обязательная программа.

Поскольку Андрей Ромашов давно мечтал о полном метре, он не мог пренебречь приглашением известного режиссера. Необходимо отрекламировать новый фильм. У главного секс-символа, появившись он на премьере, обязательно возьмут интервью. Женщины, как только увидят Ромашова, прилипают к экрану, поэтому похвала из уст Андрея Георгиевича имеет особую цену. Его так и именовали, уговаривая появиться:

– Андрей Георгиевич, ну, пожалуйста!

Рара же категорически отказалась с ним идти, сославшись на головную боль.

– Мы все равно не можем появиться вместе, – сказала она. – Кто я тебе?

– Да все и так знают, что ты – моя любовница!

– Знают свои. Но зачем эти фото для прессы: ты и я? Ноль и главная боевая единица отечественного мыла, – пошутила она.

– Да, но она потому и единица, что за ней стоит ноль. И моя боевая мощь умножается на десять. Ты же знаешь, что я без тебя ничто.

– Это ты так думаешь. Андрей, пора уже вырасти, – сердито сказала Рара. – Вот уже пять лет я борюсь с твоей неуверенностью в себе. Я не могу всю жизнь быть тебе нянькой.

– Ему можешь, – он кивнул на дом, где Фима Раевич перечитывал очередной опус Бодлера. Как и предполагал Ромашов, работа над диссертацией затянулась.

– Но вас двоих даже для меня слишком много.

– Ты что, задумала съехать?! – сообразил, наконец, он.

– Я скопила кое-какие деньги, – медленно сказала Рара. – Как только мы сюда переехали, нашу квартиру я сдала. За пять лет набежала приличная сумма. Наш дом все-таки сносят. Мы с Фимой получим отличную двухкомнатную квартиру.

– Где? – насмешливо спросил он. – В Новом Бутово? Или в Кузьминках?

– Какая разница? – пожала она плечами. – Фима всегда был скромненький в быту. Мне хватит на ремонт и мебель, если не роскошествовать.

– Ты не уедешь! – вспыхнул он. – У нас с тобой все так хорошо!

– Это у тебя хорошо, – тихо сказала Рара. – Я же чувствую себя неудобно. Если бы я была по-собачьи предана тебе, как Василиса Петровна, все было бы иначе.

Она говорила о домработнице Ромашова, почти что члене семьи. История была трогательная. Как и всякая звезда, Ромашов получал массу писем. У него имелся и собственный сайт и несколько фанклубов, где его поклонницы общались меж собой без привлечения самого кумира.

Василиса Петровна писала везде. Ее мечтой была встреча с любимым актером. Она неоднократно предлагала Ромашову свою помощь.

«Если у Вас есть дети, я буду им нянькой, Вашей жене я стану верной помощницей, буду мыть полы в Вашем доме и драить сантехнику. Все, что Вы скажите. Я работающая, не белоручка, очень люблю детей...»

Когда Ромашов купил этот дом, встал вопрос о помощнице по хозяйству. Желательно с проживанием. Тут-то он и вспомнил о Василисе Петровне. Она жила в другом городе, далеко от Москвы, вместе с замужней дочерью, которой, похоже, была обузой. Дочь нахватала кредитов, а ее бизнес прогорел. Злость она срывала на матери, все время напоминая ей о том, что она нахлебница. Внучка-подросток с бабушкой разговаривала сквозь зубы, называла отсталой и старой занудой. Василиса Петровна, которая только-только вышла на пенсию, тщетно искала подработку. Пенсионеров нанимали неохотно, приходилось мотаться с дочерью по рынкам с тяжелыми сумками, постоянно выслушивая упреки. Как будто это Василиса Петровна была виновата в том, что товар не расходуется, а кредиты не отбиваются. Свою квартиру несчастная женщина давно продала, а деньги отдала дочери. Но та об этом словно забыла.

Дом Ромашова показался Василисе Петровне раем, а сам он ангелом, спустившимся с небес. Благодаря Андрею Георгиевичу, она теперь ни в чем не нуждалась и ежемесячно высылала деньги дочери и внучкам. Преданность Василисы Петровны своему кумиру и спасителю была рабской. Ромашов порою даже испытывал неловкость.

Отношения же между двумя женщинами, живущими в его доме, оставались прохладными. Василиса Петровна подсознательно ревновала, чувствуя, как он относится к Раре, и как та относится к нему. По мнению домработницы, Раисе Гавриловне следовало постоянно пребывать в состоянии неземного блаженства, коли ее почтил вниманием Сам Ромашов. А не ломаться и не капризничать, чем она занимается регулярно.

– Если бы я была Василисой Петровной, то была бы счастлива, – часто шутила Рара.

Но, увы! Они были разными, как небо и земля, и так же по-разному относились к Ромашову. Вот и сейчас Рара об этом напомнила.

– Я не нуждаюсь в собаке, я нуждаюсь в любви! – разозлился он.

– Поезжай на премьеру, и у тебя ее будет, сколько душе угодно, – усмехнулась Рара. – Можешь даже расслабиться и не приехать домой ночевать.

– Я так и сделаю! – он резко встал, так что она буквально упала на подушки.

– Сделай милость, Лёвушка, – насмешливо сказала она, не поднимаясь, а напротив, развалившись в гамаке всем телом и сверкая своими странными глазами. Они словно бы впитывали в себя окружающие Рару краски. Сейчас, к примеру, ее глаза казались темно-зелеными, как и потускневшая за лето листва густо растущих вокруг гамака яблонь. – А то в тусовке уже ходят слухи, что ты гей. Тебе необходимо опровержение. Длинноногое, с большой грудью и скандальной репутацией. Так чтобы подробности появились завтра в Инете. Ты уж постарайся, чтобы они были впечатляющими. Зря я, что ли, тебя учила?

Он выругался и побежал в дом, переодеваться.

Звезд на премьеру пришло на удивление много. За лето все соскучились по пиару, это под конец сезона энтузиазм пропадает, а сейчас все свежие, отдохнувшие, загорелые, почему не продемонстрировать такую прекрасную форму?

– Ты сегодня один? – спросил его режиссер, которого Ромашов втайне терпеть не мог.

Этому-то баловню судьбы не надо было из кожи вон лезть, чтобы пробиться во ВГИК и по его окончании заполучить сумасшедшие деньги на свои проекты. Громкая фамилия, киношная и театральная. Едва ли не у всех знаменитостей, которые снимались в прекрасных советских фильмах, этот совсем молодой еще режиссер сидел на коленях, когда был ребенком. Кого он не знает, и кто не знает его?

«Я просто завидую, – упрекнул себя Ромашов. – Да, я завидую! Мне не хватает его лоска и уверенности в себе. Я по-прежнему боюсь оказаться не востребованным...»

– Да, я один, – сказал он, сдерживая свои чувства и приветливо улыбаясь.

– А где эта твоя... Очень хочу с ней познакомиться!

– Зачем? – подозрительно спросил он.

– Да слухи разные ходят о вашей дружной шведской семье, – рассмеялся режиссер, по-приятельски хлопнув Ромашова по плечу. – Меня к себе не возьмете? Четвертый не третий, он уже не лишний. А до компании.

– Это все ложь, – выдавил Ромашов.

– Тогда ты, выходит, и правда, гей? Надо же...

– Я... – он хотел было начать оправдываться, но режиссер уже отошел к другому гостю. А к Ромашову подскочила корреспондентка с микрофоном:

– Что вы думаете о фильме, который только что посмотрели? – нетерпеливо спросила она. Звезд было так много, что бедная девочка сбилась с ног.

«Рара, как всегда права», – думал он, рассыпаясь в цветистых похвалах откровенно дерьмовому фильму. Увы, гениальность не передается по наследству. Но кому из бездарностей с громкими именами это мешает процветать? Ромашов тоскливо огляделся. Корреспондентка отскочила, словно резиновый мячик, едва Андрей Ромашов закрыл рот. Теперь этот мячик, размахивая микрофоном, прыгал вокруг известного певца. Тот дергал головой, пытаясь уклониться от змеиного жала на тонком черном шнуре, и то и дело отодвигал девицу рукой на безопасное расстояние. Ромашов невольно улыбнулся: сцена вышла комичной.

– Как же я мечтала с вами познакомиться, Андрей!

Он обернулся. Очаровательная звездочка, начинающая певичка, смотрела на него с обожанием.

– Я Лена, – улыбаясь, сказала она. – В миру. А ты, действительно, Андрей Ромашов?

– В миру, – усмехнулся он.

– А по-настоящему?

– По-настоящему? Идем, – он схватил ее за руку и потащил к накрытым для фуршета столам.

Он намеренно много пил и демонстративно целовался с белокурой Леночкой на глазах у всего бомонда. То и дело сверкали фотовспышки: красивую пару журналисты отметили особым вниманием.

– Куда поедем? – прильнув к нему, прошептала Лена.

– Поедем к тебе, – сказал он в белокурую макушку.

– Я снимаю квартиру вместе с подружками. Не уверена, что нам с тобой найдется местечко, – хихикнула она. – Надо позвонить, узнать. А к тебе разве нельзя? Где ты живешь?

– В элитном коттеджном поселке, – признался он. – В собственном доме.

– Ого! Тогда едем туда!

Он замялся.

– Ты что, живешь не один? – сообразила Лена. – Говорят, у тебя престарелая любовница. Очень злая и ревнивая. Так я ее не боюсь! – она нетрезво рассмеялась.

– Хорошо! Едем!

«Я отплачу тебе той же монетой, – мстительно думал Ромашов, садясь за руль. – Теперь ты узнаешь, каково это: быть третьей. Мы будем заниматься любовью, а ты лежать с закры-

тыми глазами, замерев и сжав кулаки, и слушать наши стоны. А завтра ты попросишь у меня прощение».

В доме было темно, когда он подъехал. Лена, смеясь, выпорхнула из машины:

– А у тебя клево!

На женский смех из своей комнаты, зевая, вышла Василиса Петровна.

– Андрей Георгиевич! – охнула она. – А Раиса Гавриловна сказала, что вы сегодня дома не ночуете!

– Это мой дом! А это теперь моя девушка! – он обнял Лену за плечи и привлек к себе.

Ромашову показалось, что Василиса Петровна обрадовалась.

– Вам ужин подать?

– Спасибо, мы только что с фуршета. Рара уже спит? – спросил он.

– Да, они легли.

– Втроем, вместе с Бодлером? – он еще не протрезвел, поэтому счел шутку удачной и расхохотался. Лена вторила ему таким же пьяненьким смехом.

– У тебя есть прислуга? Классно! И вообще, ты крутой!

– Ты тоже... классная, – с трудом выговорил он. Потому что она была не классная, она была пьяная. А еще глупая. Она не понимала, что происходит.

Ромашов за руку потащил ее по лестнице на второй этаж. Его спальня была в левом крыле, подальше от апартаментов Раевича, но сегодня хозяин дома решил устроиться в гостевой. За стенкой была супружеская спальня Рары и ее обожаемого Фимы. Ромашов твердо намерен был их разбудить.

– Шикарно! – высказалась Лена, упав на огромную кровать, застеленную алым шелковым покрывалом. И позвала: – Иди сюда! Скорее!

Он сделал шаг вперед и замер. За стенкой раздался стон. Ромашов узнал бы этот стон из тысячи, из десятков тысяч женских стонов. Только одна женщина предавалась физической любви с такой горячностью и с таким отчаянием. Ромашов всегда старался поймать этот ее протяжный стон в свои раскаленные губы и медленно выпить, словно нектар богов. И только тогда расслаблялся сам. Сейчас у него было такое чувство, будто его обокрали. Украли бессмертие, не меньше. Он сразу почувствовал себя стариком и сторбился. Мышцы обмякли, во рту стало сухо от жажды.

– Что ты стоишь? – Лена, почти уже голая, приподнялась на локте и посмотрела на него удивленно. – Раздевайся!

– погоди, я сейчас, – сдавленно сказал он и торопливо вышел из комнаты.

Толкнувшись в соседнюю дверь, он понял, что она заперта изнутри. Ромашов приник к двери, ловя каждый звук, который доносился из спальни Раевичей. Сомнений быть не могло: супруги занимались любовью. Он поскребся в дверь, и там, в спальне, все стихло.

– Василиса Петровна, это вы? – крикнула из-за двери Рара. – Нам ничего не нужно!

– Это я, Андрей, – сказал он дурацким голосом. Слово клоун в цирке. «Здравствуй, Бим! А это я, Бом!»

За дверью послышались голоса.

– Что ему надо?

– погоди минутку, я сейчас...

– Рара! Не открывай! Мы хотя бы ночью можем побыть одни?

– Я сейчас ему все скажу...

Дверь распахнулась. Рара стояла на пороге в шелковом халатике, накинутом на голое тело.

– Что тебе надо? – холодно спросила она.

– Значит, ты мне изменяешь! – выпалил он.

Она не выдержала и расхохоталась.

– Опомнись, Лёвушка! Я в *своей* спальне, со *своим* мужем. Это с тобой я ему изменяю. Поэтому, будь добр, оставь нас в покое.

– С кем ты там разговариваешь? – из соседней комнаты появилась Леночка в одних стрингах. Рара окинула ее насмешливым взглядом и сказала:

– Отличный выбор! Поздравляю! – и захлопнула перед его носом дверь.

– Кто эта тетка? – недоумевающе спросила Лена. – Это что, твоя мамочка, у которой ты спрашиваешь разрешение перед тем, как заняться сексом?

– Замолчи! – заорал он. И забарабанил кулаками в запертую дверь: – Рара, открой! Это подлю! Подлю!

– Очуметь! – прокомментировала Лена. – Ромашов, ты урод, каких мало! Вызови мне такси.

Он сжал кулаки, готовый ее ударить. Еле сдержался.

– Разумеется, я никому ничего не скажу, – насмешливо улыбнулась Лена. – Мне нужен пиар. Да и тебе нужно прикрытие твоих странных отношений с этой... – она взглядом указала на дверь. – Давай сделаем вид, что мы приехали сюда пьяные и трахнулись. А потом разбежались, из-за психологической несовместимости. Как-то так. Идет?

– Идет, – сдавленно сказал он.

– А вообще все это дурдом, – высказалась Лена и пошла одеваться.

– Я сам тебя отвезу, – сказал Ромашов, когда она спустилась вниз.

– Понимаю, – кивнула Лена. – Хреново тебе, да? Поедем в клуб, надеремся.

– А нам не хватит?

– Тебе точно нет.

Дальнейшее он помнил смутно. Кажется, домой его привезли на такси, в стельку пьяного. Его машина осталась у клуба. Там же осталась Лена, которой он пытался исповедаться, пока у нее не кончилось терпение.

– Тебе, определенно, к психиатру, – сказала Лена и уехала с каким-то смазливой мальчишкой, сказав, что он-то, по крайней мере, нормальный.

Утром их фотографиями пестрел Инет, хорошенькой Лены и брутального Андрея Ромашова. Когда они с Рарой встретились в обед, за столом, Ромашов не мог смотреть ей в глаза.

– Давай забудем, Андрей, – мягко сказала она. – Забудем и вместе подумаем, что делать?

Вот так все это и началось. То, из-за чего Ромашов теперь сидел перед следователем и отвечал на вопросы, которые были ему неприятны. А еще выслушивал обвинения в том, чего на самом деле не было. Какие бабы? Пара глупейших эпизодов и, как итог, помолвка с Настей? То бишь, со Стейси Стюарт.

А теперь Настя мертва...

«...лицо осознавало общественную опасность своих действий»

Журавушкин читал постановление и не верил своим глазам. Ничего из того, на чем он мысленно построил линию защиты, там не было. А было совсем другое. Обвинение в преднамеренном убийстве. Причем, с прямым умыслом!

После истерики Ромашова следователь предложил тому выйти из кабинета и подождать в коридоре. Ромашов заупрямился, и в этот момент привели Рару.

Первое впечатление о подзащитной у Журавушкина оказалось негативное, хотя он и убеждал себя быть объективным и смотреть на вещи непредвзято. Но он ожидал увидеть эффектную женщину, роковую соблазнительницу, как-никак, она была любовницей главного секс-символа отечественного мыла, и даже после помолвки с ослепительной Стейси Стюарт

Ромашов продолжал интимные отношения со своей прежней пассией. В чем откровенно признавался.

Журавушкин его понять, убей, не мог. Он видел Настю, хоть и по телевизору, но в том, что она была красавицей, никаких сомнений не оставалось. Рара ничем ее не напоминала. Да никакого сравнения! Любой мужчина, находящийся в здравом уме и твердой памяти, предпочел бы двадцатилетнюю девушку модельной внешности зрелой даме, мягко скажем, красотой не блещущей. Что-то здесь было не то. Журавушкин сразу почувствовал, что дело со странностями. Теперь эти странности стояли перед ним во плоти и вопросов было еще больше, чем ответов.

«Я должен узнать, в чем тут дело», – подумал он, глядя на Рару.

Возможно, что виновата в этом была тюрьма. В том, как сейчас выглядела Раиса Гавриловна Раевич. Ее темно-русые волосы сделались сальными, по обеим сторонам маленького лица с удивительно мелкими чертами болтались слипшиеся пряди. Оно, это лицо, напомнило Журавушкину нераспустившийся бутон. Цветок, не успев раскрыться, начал увядать. Особенно пострадал лоб, весь изрезанный тонкими горизонтальными морщинками, нижняя часть лица еще сохраняла свежесть, но шея была похожа на срезанный стебель: вялая и бледная. Небольшие, какого-то неопределенного цвета тусклые глаза Рары щурились на яркую лампу и слезились. Нос был красным, а губы серыми, почти пепельными. Мысленно Журавушкин обозвал стоящую перед ним женщину «мышью». А потом даже «молью».

– Вот ваш адвокат, – кивнул следователь на Журавушкина.

Рара на него даже не посмотрела. Она видела только Ромашова и не отрывала глаз от его лица. «Что *ты* мне скажешь?» – словно бы вопрошала она.

– Его нанял ваш работодатель, – продолжал говорить следователь за всех четверых. – Андрей Георгиевич, выйдите, пожалуйста, из кабинета. Вы нам сейчас мешаете.

– Значит, ты нанял мне адвоката? – сказала, наконец, Рара. – Вот спасибо, Лёвушка!

– Так будет лучше, – выдал из себя Ромашов. – Аркадий Валентинович тебе поможет. Делай, как он скажет, и все будет хорошо.

– Разговоры прекратить! – разозлился следователь. – Хватит мне тут договариваться! Ромашов, выйдите из кабинета! Вы не имеете права здесь находиться!

– Андрей Георгиевич, выйдите, – тихо попросил Журавушкин.

Тот сгорбился, словно старик, и, шаркая ногами, послушно направился к двери. Они остались втроем.

– Прежде чем вы объяснитесь со своей подзащитной, позвольте дать вам совет, – с иронией сказал Журавушкину следователь. – Уговорите ее признать свою вину. Суд это учтет. Я не хочу, Аркадий Валентинович, чтобы постановление, которое вы будете читать на официальном допросе вашей клиентки, стало бы для вас сюрпризом. Сейчас же я вас просто предупреждаю. По-дружески. Хоть вы и сказали, что защита и обвинение дружить не могут. Но честное слово, вы мне симпатичны.

После этих слов следователь тоже вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

– Садитесь, – Журавушкин отодвинул стул, чтобы Рара села. Та медленно опустилась на холодное пластиковое сиденье и невольно поежилась. – Вы курите?

– Да.

– Тогда курите.

– У меня нет сигарет.

Журавушкин увидел на столе у следователя начатую пачку и зажигалку и, вынув одну сигарету, протянул ее Раре.

– А что скажет хозяин? – насмешливо спросила она.

– Он бы вам сам предложил, если бы был здесь.

Журавушкин сел напротив нее и чиркнул зажигалкой.

– Маленькая взятка, – с улыбкой сказала Рара, затягиваясь. – За то, чтобы я не очень упрямылась. Ну-с. Я вас внимательно слушаю.

Ее маленькое лицо неуволимо изменилось. Журавушкин невольно ловил каждый акцент этой удивительно живой мимики.

– Спрошу прямо: это вы ее убили?

– Аркадий Валентинович? Я не ошиблась?

– Именно так, – слегка нагнул голову он.

– Что бы я сейчас не сказала вам, Аркадий Валентинович, это не имеет абсолютно никакого значения, – сказала Рара после глубокой затяжки и не менее глубокой паузы.

– Но почему? Если вы невиновны, мы будем отстаивать это, и с моим опытом и при помощи показаний Андрея Георгиевича, который искренне хочет вам помочь, вы вскоре выйдете на свободу.

– Вы так думаете? – насмешливо спросила она.

– Я в этом не сомневаюсь, – уверенно сказал Журавушкин.

– Вы, конечно, профессионал. Но с подобными странностями вы вряд ли когда-нибудь сталкивались.

– И в чем они, эти странности? – напряженно спросил Журавушкин.

– Да во всем. Ни вы, ни я, ни тот, кто вышел сейчас из кабинета, понятия не имеют, где находится истина. И вряд ли ее найдут. Вам не стоило браться за это дело.

Журавушкин так и не понял, о ком она, о Ромашове или о следователе? Кто этот третий, о ком она упомянула?

– Скажите прямо: что за сюрприз меня ждет? – напряженно спросил он.

– Я понятия не имею, о чем говорится в постановлении.

– Так вы убивали Настю или нет?

– Да. И нет.

– Ага! – обрадовался Журавушкин. – Вы говорите о самообороне! Я так и думал! Значит, мы построим линию защиты на том, что вы действовали в состоянии крайней необходимости.

– Давайте сначала послушаем следователя, – сказала Рара, оглядываясь: куда бы деть окурок?

Журавушкин первым углядел чайное блюдечко и пододвинул его к ней.

– Значит, со мной вы отказываетесь откровенничать? – сердито спросил он. – Несмотря на то, что я ваш адвокат?

– Вовсе нет. Я просто не знаю, о чем? С чего начать? Поэтому давайте подождем, пока противник сделает первый ход, и тогда уже будем думать над ответным.

– Хорошо.

Он встал и направился к двери.

– Быстро вы, – удивленно сказал следователь, оглядывая свой кабинет и принохиваясь. – Так. Похозяйничали здесь.

– Извините. Мы бы спросили разрешение, но вас не было.

– Это, между прочим, не пепельница! – хозяин кабинета сердито схватил блюдце и стряхнул окурок в стоящий на окне горшок с кактусом.

– Мы готовы вас выслушать, – извиняющимся тоном сказал Журавушкин. Рара молчала, ему показалось, что это молчание насмешливое.

– Вот постановление, – на стол перед Журавушкиным легли листы с отпечатанным на них текстом. – Ознакомьтесь, и начнем допрос.

Следователь уселся за монитор, а Журавушкин стал читать. Первые же строки сбили его с толку. Прямая угроза! Тщательно подготовленное, запланированное убийство! Это вообще о чем?!

– Да с чего вы все это взяли? – сердито спросил он. – Откуда умысел?

– На основании неоспоримых доказательств, – насмешливо сказал следователь.

– Попрошу их предъявить!

– Извольте, – церемонно поклонился хозяин кабинета, встал и направился к сейфу, квадратной спиной закрывая его содержимое от сидящих в кабинете мужчины и женщины. Следователь какое-то время копался внутри, потом вынул из сейфа довольно-таки толстую синюю папку. – Вот, – папка легла перед Журавушкиным на стол. – Надо бы из моих рук, потому что это вещдок, но я почему-то вам верю. На вид вы такой респектабельный. Не станете же вы выдирать из папки листы и жевать их, чтобы помочь своей клиентке? К тому же, столько вам не съесть, – насмешливо сказал следователь. – Папка толстая. Разве что Раиса Гавриловна вам поможет. Вы на всякий случай отсыдьте подальше, гражданка Раевич.

– Не ёрничайте! – разозлился Журавушкин. – Я не собираюсь уничтожать вещдоки! Отродясь этим не занимался!

Он торопливо открыл папку. Это была подборка публикаций о травматике. Довольно впечатляющая. Имелись и вырезки из газет, и распечатки с сайтов из Инета, и даже детективный рассказ из какого-то журнала. Везде описывались случаи, когда человек был серьезно ранен или вообще умирал после того, как в него выстрелили из травматического оружия. Особенно впечатляющим выглядел рисунок: страница из учебника по анатомии, где красным были обведены органы, а синим зоны. Как догадался Журавушкин, места на теле человека, куда попадание из травматике становилось смертельно опасным. Именно в такую «синюю» зону и угодили пули, выпущенные в Настю из «Осы». Да, тут ни о какой случайности речи быть не может.

Аркадий Валентинович покрылся холодным потом. Он прекрасно понял, какую опасность для него представляет эта папка. Какая к черту «крайняя необходимость»! Человек, который стрелял в Стейси Стюарт, прекрасно знал, куда ему надо стрелять! Из *какого* пистолета, с *какого* расстояния, и в *какое* именно время года! Ибо многое зависит от одежды жертвы и ее комплекции. Настя была худенькой, а в этот теплый летний вечер одета в джинсы и футболку, всего лишь. Не удивительно, что первый же выстрел в упор разворотил ей левое легкое! А их, этих выстрелов, было три!

– Пришли в себя, Аркадий Валентинович? – ласково спросил следователь. – Теперь вы согласны с постановлением?

– Мне надо подумать, – выдавил из себя Журавушкин.

– А вот Раисе Гавриловне думать не надо. Вам знакома эта папка, гражданка Раевич?

– Ее нашли в моей спальне? – спросила Рара.

– А где же еще? Вот видите! Вы даже не стали этого отрицать!

– Потому что это бессмысленно.

– Но это еще не все, – торжествующе сказал следователь. – Нам удалось установить ход событий с точностью до минуты. При аресте у вас, гражданка Раевич, изъяли не только эту папку, но и мобильный телефон. При Васильевой, когда в саду нашли ее труп, тоже был ее мобильник. Следствию удалось установить, – монотонно забубнил он, – что в двадцать три тридцать одна, с мобильного телефона гражданки Васильевой на мобильный телефон гражданки Раевич было отправлено эсэмэс-сообщение следующего содержания: «Рара, выходи в сад. Срочно надо поговорить. Или я или ты». Распечатка звонков, сделанных с обоих мобильных телефонов, а также смс-сообщений прилагается. Вы признаете вышеуказанный факт, гражданка Раевич?

– Да, признаю.

Пальцы следователя проворно забегали по клавиатуре.

– Что вы сделали, получив это сообщение? – спросил он, закончив предложение.

– Направилась в сад.

– По дороге вы никого не встретили?

– Встретила нашу помощницу по хозяйству, Василису Петровну. Она завела меня на кухню, где указала на поломанный кран и попросила денег на покупку новой сантехники и на оплату услуг слесаря. Я только спросила: «Это так срочно?» Она ответила, что завтра будет поздно. Мол, кухню к утру зальет водой. Я с ней согласилась.

– Это совпадает с показаниями гражданки Градовой. Дальше вы что сделали?

– Продолжила свой путь, – Рара говорила спокойно. Журавушкина, честно сказать, это спокойствие удивляло.

– Где вы встретились с потерпевшей?

– Мы не встретились. Я нашла ее лежащей в саду, у беседки. По дороге я услышала выстрелы.

– Следовательно, стреляли не вы?

– Нет.

– Но именно вас нашли у трупа.

– Я просто пришла туда первой.

– Кто был вторым?

– Василиса Петровна. Третьим прибежал Ромашов, он ведь был в своей спальне, на втором этаже, а последним – мой муж. Его комната самая дальняя, угловая.

– Значит, вы не стреляли?

– Нет.

– А кто тогда?

– Я не знаю.

– В доме вас было пятеро: вы, ваш муж, Ромашов, Градова и потерпевшая. Выбирать-то особо не из кого, Раиса Гавриловна.

– Я понимаю.

– На пистолете есть отпечатки ваших пальцев.

– Я знаю.

– Вы были в курсе, где лежит ключ от сейфа?

– Конечно.

– А как вы объясните это, – следователь кивнул на синюю папку.

– Грамотная подборка материалов, – усмехнулась Рара.

– Которую мог составить только профессионал. Человек, который умеет работать с материалом. Например, редактор или пресс-секретарь. Как вы думаете, с какой целью сделана эта подборка о травматике?

– А тут и думать не надо. Чтобы узнать, прежде чем приобрести травматический пистолет, можно ли убить из него человека? А если можно, куда именно надо стрелять?

– Или прежде чем воспользоваться травматическим пистолетом, уже приобретенным кем-то.

– Возможно.

– Я рад, что вы это не отрицаете.

– А смысл? – пожала плечами Рара.

– Постановление остается в силе, – подвел итог следователь. – Аркадий Валентинович, у вас есть, что сказать?

– Да, – он, наконец, пришел в себя. – Моя подзащитная вину не признала.

– Тем хуже для нее.

– Но ее вина не доказана!

– А какие вам еще нужны доказательства? – удивленно спросил следователь. – Потерпевшая вызвала ее в сад. Для решительного объяснения. Между ними был конфликт. Свидетелей – миллион. О пистолете Раевич знала. Более того, тщательно изучила травматику. Она давно готовилась к совершению преступления и дождалась подходящего момента. Мотив, свидетели,

орудие преступления, – все в наличии. Дело настолько ясное, что можно хоть завтра передавать его в суд. А вы что скажите, гражданка Раевич? – следователь всем корпусом повернулся к Раре.

Та пожала плечами:

– Да, все очевидно.

– Может, это было самоубийство? – предположил Журавушкин.

– Вы надо мной смеетесь? – уставился на него следователь. – С какой стати красивой молодой девушке, звезде, помолвленной с известным актером, красавцем, между прочим, кончать с собой?

– Ну, я не знаю. Назло, – пожал плечами Журавушкин.

– Назло кондуктору пойду пешком и отморожу уши. Даже если предположить подобную, извините, чушь... Есть заключение экспертизы. Выстрел был сделан снизу вверх. Как известно, обвиняемая маленького роста.

– Но как ей удалось заполучить пистолет в свои руки?

– Может быть, они помирились? – предположил следователь. – Потерпевшая передала ей пистолет, а Раевич коварно выстрелила в нее и убила. Или была борьба.

– Есть на теле потерпевшей следы, которые указывали бы на это?

– Отсутствуют, – коротко сказал следователь. – Небольшой синяк на запястье правой руки. Но это могло быть до того, как все случилось.

– Я признаю свою вину, – неожиданно сказала Рара.

– Что? – удивленно повернулся к ней Журавушкин.

– Дайте мне протокол. Я все подпишу. И сигарету, пожалуйста, – устало попросила сидящая напротив него женщина. – Давайте поскорее со всем этим покончим.

Следователь обрадованно протянул ей сигарету и принялся торопливо заполнять протокол.

– Раиса Гавриловна, вы хорошо подумали? – строго спросил Журавушкин.

– А вы?

– Но я был уверен в вашей невинности! И сейчас уверен!

– Если вы это докажете, я, наверное, буду вам признательна.

– Вот протокол. – Следователь положил перед Рарой вынутые из принтера листы, еще пахнущие краской. – Подписывайте.

– Внимательно прочитайте, – посоветовал ей Журавушкин.

Она взяла ручку и, не глядя вверх, на ровные строчки протокола, размашисто расписалась.

– Могу я идти? – спросила Рара, положив ручку.

– В камеру, Раиса Гавриловна, в камеру, – следователь довольно потер руки. – Вы приняли правильное решение, и, учитывая то, что это ваша первая судимость, суд будет к вам снисходителен.

– Увидимся завтра, – сказал Журавушкин, поднимаясь одновременно с Рарой.

– Как, завтра? – удивилась она.

– Я буду ходить к вам каждый день, пока вы не одумаетесь, – довольно сердито сказал Журавушкин. – Я имею на это право.

– Имеете, Аркадий Валентинович, имеете! – весело сказал следователь. – Я уже вижу: вы недаром едите свой хлеб. Ромашов совершенно правильно обратился именно к вам. Только и мы свое дело знаем. До встречи, Раиса Гавриловна! – сказал он перед тем, как Рару увели. – И вы можете быть свободны, Аркадий Валентинович.

Журавушкин вышел из кабинета и в коридоре столкнулся с Ромашовым. Рару, со сложенными за спиной руками, только что провели мимо него.

– Как же так?! – накинулся Ромашов на адвоката. – Вы же мне обещали! Вы же лучший!

– Подробности в машине, – устало сказал Аркадий Валентинович. – Нам срочно надо что-нибудь придумать.

Когда они вышли из здания Следственного комитета, как раз начался час пик. Люди поехали с работы, и, несмотря на летнее время, машин на улицах Москвы хватало. Этот огромный город давно уже перестал различать будни и праздники, день и ночь, зиму и лето. Он работал, как безостановочный конвейер по производству всевозможных земных благ, на которые всегда находились потребители. Уехавших тут же заменяли вновь прибывшие, которые еще не научились различать, что надо брать и когда, и хватали все без разбору. Поэтому конвейер не останавливался и не замедлял свой ход.

– Ехать будем долго, – удовлетворенно сказал Журавушкин.

– Как я устал от всего этого! Какое-то проклятье на меня свалилось! Настя в последнее время всерьез увлеклась оккультизмом. Лично я во всю эту чушь не верю, но словно какой-то злой рок меня преследует, – пожаловался Ромашов.

– Не надо все валить на судьбу, Андрей Георгиевич, – Журавушкин открыл перед ним дверцу своей машины: – Поехали!

– Куда?

– К вам. Время еще детское. Я хочу осмотреть место происшествия и познакомиться с остальными членами вашей дружной семьи. Ведь вы жили дружно до того, как появилась Настя?

– Можно сказать и так, – Ромашов сел в машину и надел солнцезащитные очки. Теперь он еще больше стал похож на мачо. Спортивный, загорелый, в стильных очках, за темными стеклами которых не было видно, какие несчастные у Ромашова глаза.

– Настю, должно быть, приняли в штыки? – спросил Аркадий Валентинович, заводя мотор.

– С чего вы взяли?

– Она ведь была стервочкой, ваша невеста. Хотя, о покойниках плохо не говорят. Скажите, Рара сразу дала ей отпор?

Дала ей отпор?!..

«Он знал, что другие тоже любят красоту его невесты, и был страшно этим горд...»

– Какая хорошая, светлая девочка. Прекрасный выбор, Андрей! – похвалила его Рара.

– Хорошая?! А ты знаешь, с чего она начинала?

– Прекрасно знаю. Со скандальных реалити-шоу. Она просто голодная, Андрей. Несчастливая и очень голодная. Вспомни себя.

– Я, в отличие от нее, не спал, с кем попало, – сердито сказал он.

– Ой, ли? А как же я?

– Ты – любовь всей моей жизни.

– Опять этот пафос, – поморщилась Рара. – Перестань озвучивать свои мысли. – Она прекрасно знала о привычке Ромашова думать о себе в третьем лице цветистыми фразами из бульварных романов. Они не раз это обсуждали. – Ты любишь не меня, а свои чувства ко мне. Ты просто этим упиваешься. А не надо. Благодаря своему характеру и воспитанию ты внутренне протестуешь против того мира, в котором оказался волею случая и вынужден теперь жить. Где все врут, обманывают, подставляют и интригуют. И вот ты придумал себе другой мир, тайный, с какой-то там любовью, – насмешливо сказала она. – Я вот уже много лет с этим борюсь, но тщетно. Да живи ты в реальности! Чем она так уж плоха? Настя – прелесть. Ну, была у нее пара интрижек с другими мужчинами. Уверяю: ничего серьезного. Все на публику. Она будет тебя любить так сильно, как ты этого даже представить себе не можешь. Уж поверь мне.

– Ты просто ее не знаешь, – мрачно усмехнулся он. – Эта милая девочка пойдет на все ради денег и славы. И через меня переступит, не задумываясь, если я буду ей мешать.

– А кто другой-то, Андрей? Ее мама, насколько я знаю, селедкой торгует, где-то там в Пензе. Или в Калуге.

– Еще дальше.

– Вот видишь! А ты знаешь, какая там жизнь?

– Ты тоже не знаешь. Нормальная. Скучная немного, но нынче провинциалы – люди вполне самодостаточные. Живут своей жизнью. Да, она отличается от московской, но у нее есть свои прелести.

– Что ж ты-то туда не едешь, в провинцию? – насмешливо спросила Рара. – К маме и папе?

– Я уже привык к Москве. У меня здесь дом, работа. И ты. И потом: ты прекрасно знаешь обстоятельства, при которых я уехал из дома. Не «мама» и «папа», а «мать» и «отец». От которых я сбежал, едва окончил школу.

– Я не долго?

Настя появилась внезапно, словно из-под земли возникла. Ромашов сразу подумал, что «Принцесса Стейси» подслушивала. Она только этим и занимается с тех пор, как впервые переступила порог этого дома: оценивает свои шансы и ищет союзников. Старается всем понравиться, но еще не умеет скрывать своих чувств. У нее на лице написано, как она ненавидит любовницу Ромашова, которого уже считает своей собственностью.

– Носик пудрила, – хихикнула Настя. – Туалеты у вас классные! Прямо музейные!

– Ты что, их все осмотрела? – насмешливо спросила Рара.

– Да, я прошлась по дому! – с вызовом сказала Настя. – А что, нельзя?

– Оценивала активы, понимаю.

– Это вы о чем? – удивленно посмотрела девушка на Рару.

– Слово не из твоего лексикона, – улыбнулась та. – Ну, ничего. Ты быстро научишься.

Ты очень способная, насколько я успела заметить.

– Я понимаю, Раиса Гавриловна, что до вас мне далеко. Вы умная, образованная и очень чуткая. Можно я съем пирожное? – Настя протянула руку к вазочке со сладостями.

– Да ради бога! Кушай, девочка. Ты ведь не боишься поправиться?

– Я могу кило пирожных слопать, и не поправлюсь ничуть, – сказала Настя с набитым ртом.

Ромашов неприязненно смотрел на ее подбородок, испачканный кремом. Все было красиво в Насте, за исключением одного: она безобразно ела. Именно безобразно, торопясь и чавкая, неумело держа в руках столовые приборы, или вообще обходилась без них, как сейчас. Ромашов подозревал, что в ее родном доме вилка и нож лежали далеко не у каждой тарелки. Не говоря уже о салфетках. Пару раз он делал Насте замечания и показывал, как надо есть. Но тщетно. Эту науку Настя не воспринимала.

Рара соединила их взглядом и улыбнулась. Ромашов покраснел.

– Вы уже придумали нашу пиар-кампанию? – спросила Настя, покончив с пирожным и вытерев пальцы о скатерть. – Уф! Налопалась!

– Нужен скандал и криминал в одном флаконе. Желательно добавить мистики, это сейчас модно, – с улыбкой сказала Рара. – Допустим, на тебя навели порчу. И ты ходишь по магазинам, чтобы ее снять. Сразу засветишься на трех каналах, которые специализируются на паранормальных явлениях.

– На чем, на чем?

– На ведьмах и гадалках. И на НЛО.

– Скажите тоже! Я в инопланетян не верю! Нет, я, конечно, могу для пиара... А вот в порчу верю! – оживилась Настя. – Да кто бы ее на меня навел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.